

Мактуб. Ядовитый любовник

Автор:

[Лана Д](#)

Мактуб. Книга 1. Ядовитый любовник

Алекс Д

Лана Мейер

Восточные (не)сказки #3

В Нью-Йорке происходит серия громких убийств молодых девушек. Убийца, получивший в прессе прозвище «Ядовитый любовник», бросает вызов общественности, выкладывая в сеть страшно-красивые снимки своих жертв. К резонансному расследованию присоединяется молодой агент Эрика Доусон, чья подруга оказалась в числе убитых. На первом же задании Эрика сталкивается с неожиданной преградой в лице загадочного художника Джейдана Престона, по ряду причин попавшего в список подозреваемых. Запретное влечение, возникшее к возможному убийце, может стоить ей карьеры и жизни. Жертвами «ядовитого» маньяка, становятся исключительно девушки с восточными корнями: он украшает их брильянтами, обнажает тела и скрывает лица масками, оставляя на коже арабскую вязь, значение которой предстоит расшифровать Эрике Доусон. Каково это осознавать, что в плену роковой страсти, каждый вдох может стать последним? И почему, ей кажется, что за маской циничного художника может скрываться еще более опасный хищник? [i]В книге присутствует нецензурная брань![/i]

Алекс Д, Лана Мейер

Мактуб. Ядовитый любовник

Пролог

«Людам свойственно находить порок, разврат и несовершенства даже в святыне. Искусство остро подчеркивает то, кем мы являемся на самом деле, как зеркало отражая содержимое наших душ. Прекрасное и отвратительное имеет очень тонкую грань, запечатлеть которую дано не каждому, единицам, избранным. Именно потому, как мы смотрим и понимаем те или иные произведения, стихи, картины, музыку можно судить о нас самих. Творец открывает нам душу, но если мы пусты, то не видим в ней ничего, кроме грязи. Наши мысли и восприятие – это отражение той мерзости, что каждый носит внутри, и чем они чернее и отвратительнее, тем я ближе к вам.»

«Ядовитый убийца»

США. Нью-Йорк

Никогда прежде не занималась сексом в машине.

И никогда не делала этого в присутствии второго мужчины. Хотя уверена в том, что молчаливый водитель так ни разу и не обернется на заднее сиденье огромного Кадиллака, салон которого буквально создан для спонтанного и горячего соития с моим мужчиной. Мысль о том, что безликий посторонний будет слышать каждый стон, предназначенный для моего *habibi* (от арабск. – любимый) несказанно заводит, сжимая горячую спираль, зарождающуюся внизу живота.

Он рядом, я слышу его тяжелое дыхание, оставляющее поцелуи незримого огня на моей коже.

Ощущаю себя грязной, раскрепощенной, открытой, одержимой и безумно влюбленной одновременно, когда наблюдаю за вспышками нежности в глубоких синих глазах неземного цвета, постепенно преобразующимися в неистовое пламя похоти, выдающее его жажду обладания. Порой мне кажется, что *habibi* наделен невероятной способностью метать искры и молнии из своих сумеречных глаз, и опалить ими душу, заставляя заводиться от одного лишь взгляда и присутствия этого мужчины, обладающего сокрушительно сильной энергией, пропитанной ощущением власти и опасности.

Никогда не хотела никого настолько сильно – чтобы до дрожи не только в коленях, но и во всем теле. Желание накрывает лавиной до кончиков пальцев. Дрожащими руками я расстегиваю пуговицы на его черной рубашке. В полумраке, наощупь раздвигаю сатиновую ткань, постепенно открывая своему взору его резко вздымающуюся широкую грудь. Трудно отвести взгляд от столь совершенного мужского тела. Издаю тихий стон, изучая взглядом бронзового цвета кожу, линию ключиц, лаская ее кончиками пальцев. Раскрытыми ладонями прикасаюсь к груди, опускаюсь к очерченным кубикам пресса, с ухмылкой наблюдая за тем, как они напрягаются от моих манипуляций... Он выглядит, как сам грех, и мне всегда не терпится попробовать его на вкус. Так сильно, что низ живота скручивает огненной волной низменного и первобытного желания, незнакомого мне до встречи с ним.

До него в моей жизни было много «никогда не» и именно с ним, с моим обольстителем, я многое попробовала впервые за какие-то считанные две недели.словно змей искушитель, habibi взял меня за руку и отвел в сад запретной страсти и порока, проведя по краю над пропастью, наполненной самыми сладкими грехами.

И с ним я готова нырять туда снова и снова.

То, что происходит со мной, когда мы вместе – невероятное безумие, затуманивающее разум, заставляющее существовать в реальности, переполненной удовольствием и чувственным искушением.

Наверное, его секрет в том, что он может быть нежным, заботливым, трогательным мужчиной, носящим меня на руках и купающим в дорогих подарках и десятках брильянтов, блеск которых меркнет, когда я смотрю в его глаза. Он может быть другим, почти незнакомым – несущим в себе разрушительную, агрессивную, первородную мужскую энергетику; ядом проникающую под кожу, наполняющую вены испепеляющим жаром.

Не успеваю думать и трезво мыслить и всегда быстро оказываюсь в его власти, несмотря на то, что каждый раз говорю себе, что мы вместе всего ничего и мне не стоит так быстро растворяться и влюбляться в него... Моя мама говорила, что влюбить в себя с первого взгляда может только лишь Дьявол. Она ошиблась. Мой habibi не причинит мне боли, и вся его внутренняя тьма никогда не будет обращена в мою сторону с целью по-настоящему навредить мне.

Еще месяц назад я не знала, что такое истинное удовольствие, и после пары неудачных попыток познать искусство любви и секса, приняла решение вступить в близость только после свадьбы... но все изменилось, когда в мою жизнь ворвался мужчина с синими глазами. Я же сразу ощутила его – притяжение, которому невозможно противостоять. Не могу устоять и сейчас, кожей ощущая его близость в полумраке машины, вдыхая запах парфюма с терпкими мускусными нотами, и дорогой кожи, исходящий от широкого дивана... и почему-то легкий аромат краски, приглушенный никотином.

Прогибаюсь в его плотно сжатых руках на моей талии в такт плавной музыке без слов, наполняющей пространство автомобильного салона, и ощущаю, как он по очереди сжимает грудь в сильных ладонях, и с низким рыком, сминает нежную кожу, освобождая от ткани платья, спуская его бретельки так, чтобы ткань до боли приятно врезалась в затвердевшие соски. Накручивает на указательный палец брильянтового ожерелье, которое подарил мне сам, игриво обхватывая его, словно мой ошейник. Но я всецело доверяю habibi. В ответ неотрывно смотрю в его глаза, обвожу кончиками пальцев напряженную линию его челюсти. Плавно двигаясь по изгибам моего тела, его руки опускаются на мои бедра, и, впиваясь пальцами в ягодицы, habibi насаживает меня на каменную эрекцию, но я чувствую его пульсацию лишь через ткань брюк и своих трусиков. Тихий стон срывается с моих губ, пока я инстинктивно двигаюсь против внушительной выпуклости, ощущая, как между ног становится слишком горячо и влажно. Мучительно сладкий кайф наполняет меня изнутри, и я думаю лишь о том, как хочу ощущать его кожа к коже.

– Не стесняйся, кричи громче, моя shaeir, (арабск. Муза) – чувственным и низким шепотом приказывает habibi, и его слова отдаются требовательной пульсацией в моем изнывающем от желания лоне. – Хочешь мой член, крошка? Тогда отсоси мне, – я нервно хихикаю, заводясь от его грязных слов, сказанных нежным, но не терпящим возражений тоном.

Мы очень долго можем быть строптивыми недотрогами, но, когда встречаем мужчину, способного заткнуть нас парой слов и движений, теряем способность к сопротивлению, открывая для себя дорогу преклонения и покорности. Судя по низкому хрипу, доносящемуся с водительского кресла, его приказ слышу не только я. Словно читая мои мысли, habibi уточняет просьбу:

– Отсоси мне так, чтобы этот ублюдок завидовал, – непоколебимо требует он, имея в виду молчаливого водителя.

Меня не нужно долго уговаривать. Я влюблена в него и хочу каждый сантиметр его восхитительного тела. Опускаюсь на пол, широко расставляя ноги и упираясь коленями в диван заднего сиденья, одновременно до конца распахиваю полы черной рубашки. Перевожу взгляд с его глаз на очерченные кубики пресса, вновь лаская их кончиками пальцев. Снова поднимаю глаза, и, облизывая губы, расстегиваю молнию его брюк.

На моем мужчине нет даже боксеров.

Затаив дыхание, я сжимаю его член у основания, разглядывая твердую эрекцию, которая вскоре окажется глубоко внутри меня. Еще три недели назад я была не способна на подобное, но сейчас я, не раздумывая наклоняюсь ближе к пульсирующему в ладони органу и с упоением скольжу языком по его открытой головке и затыкаю собственный стон, принимая его в рот так глубоко, насколько могу, ощущая на языке его вкус. Мои пальцы оглаживают крепкий пресс и бедра мужчины, пока я с наслаждением начинаю сосать то, что принадлежит только мне. И сейчас, я как никогда ощущаю свою маленькую власть и контроль над его эмоциями и ощущениями. Сейчас, я – единственный источник его удовольствия в этом мире.

– Ты моя Богиня, девочка. Моя *shaeir*, – с благоговением шипит он, и уже куда грубее и ниже добавляет: – Возьми еще глубже. Ты же можешь, детка, – *habibi* сгребает в охапку волосы на моем затылке, и резко выгибаясь бедрами навстречу моим губам, проникает глубже, упираясь в горло. Это заводит и пугает одновременно, мое сердце пропускает удар от страха и дикого, прошибающего до седьмого пота возбуждения. Мысленно успокаиваю себя тем, что я рядом с любимым, и он не посмеет задушить меня и сделать то, что я не приемлю. И словно читая мои мысли, он ослабляет хватку, позволяя мне вновь все взять в свои руки, точнее в рот и обласкать языком и губами. Меня заводит контраст ласки и грубости во всех его действиях. Ощущения будто я бегу по раскаленной пустыне, гонимая ледяными иглами снега. Контраст, искушение, соблазн... я сама себе завидую. Кто бы мог подумать, что наши отношения перерастут в смертоносную страсть. Восхитительную, необыкновенную, запредельную. О такой мечтают, но никогда не произносят вслух. О такой не рассказывают подружкам. Я не знаю, как и что он со мной сделал, как подобрал ключ к моему ледяному сердцу.

Невольно я задаюсь вопросом: ощущала ли я себя живой до него?

Все эти годы я жила с чувством, что умерла еще тогда, в том гадком притоне, который поставил крест на моей женственности и закрыл сердце на глухие стальные засовы. Но он волшебным образом исцелил мои кровоточащие годами раны, наложив на мою душу прочные швы, и заставил поверить в то, что я особенная. Я не такая, как они обо мне говорили четырнадцать лет назад.

Я не такая как все, ведь он меня выбрал.

Прекращаю небольшую мыслительную медитацию, возвращаясь в сладкий момент «здесь и сейчас». Судя по низким звериным рыкам и вздувшимся венам на члене моего мужчины, я фактически довела его до грани безумия. В последний раз вбираю его плоть до основания и выпускаю изо рта с возбуждающим хлопающим звуком, продолжая поглаживать и сжимать его налитый желанием ствол в ладони, пока habibi почти заботливо вытирает мои губы перчаткой.

– Тебе понравилось, habibi? – нежно и мягко мурлыкаю я, читая ответ в его взгляде и порочной ухмылке, изгибающей контур очерченных губ. Молчаливый таксист с шумом втягивает воздух сквозь зубы, и мой мужчина удовлетворенно кивает. Я выполнила его просьбу на «отлично».

– О да, он мне завидует, shaier, – презрительный глухой смешок контрастирует с его восхищенным и довольным взглядом, мышцы пресса сжимаются под воздействием моего одурманенного взора. – Но сейчас мне нужно трахнуть тебя, – habibi обхватывает мой подбородок и поглаживает меня костяшками пальцев, словно ручную кошку. Я готова прильнуть к его колену лбом и бесконечно ластиться к своему распутному Богу. – Ко мне иди, – вновь приказывает он, рывком поднимая меня к себе. Еще более резким движением мужчина прижимает меня к себе, и я охотно опускаюсь на его бедра, потираясь затвердевшими сосками о его грудные мышцы, едва ли не кончив от ощущения близости наших влажных тел. Новый стон срывается с моих губ, и, поймав мой полуоткрытый рот, он врывается языком внутрь, параллельно терзая мою грудь ладонью, другой сдвигает намокшие стринги в сторону, размазывая соки по самым интимным местам моего тела. Каждая его ласка, грубое слово, движение – любое действие отдается пульсацией внизу живота и между бедер, я ощущаю, как мое нестерпимое желание нарастает с каждой секундой, заставляя меня царапать его бицепсы и плечевые мышцы.

Глаза в глаза, наши дыхания сплетаются в диком танце... ничто не предвещает того, что навсегда изменит ход моей жизни.

Его член скользит между ягодиц, судорожная дрожь проходит по телу, когда он ударяет головкой около входа. Дразнит вновь и вновь, заставляя меня извиваться в его объятиях и с еще большим рвением тереться о его плоть, даруя нам обоим острое наслаждение.

– Какая послушная, готовая девочка, – удовлетворительно ухмыляется мужчина, проникая внутрь на пару сантиметров, вызывая новую волну приятных спазмов по всему телу. – Со мной ты стала такой плохой, *shai'er*. Такой грязной. Ты заслуживаешь самого прекрасного наказания, милая...

– Трахни меня, *habibi*. Пожалуйста, – умоляю я, извиваясь в его руках, настойчиво вращая бедрами. Черт, давай же... я заслужила «награду», но никак не «наказание»...

– Твои пороки и красота заставят миллионы людей содрогаться от восхищения и страха. Этот прогнивший мир увидит тебя особенной и никогда не сможет забыть, – не придаю и малейшего значения его странным словам. Он часто говорит непонятные мне фразы. Я не способна сейчас ясно мыслить.

Наши взгляды встречаются в тот момент, когда мужчина медленно проникает в меня, насаживая и растягивая, позволяя ощутить каждый сантиметр налитой желанием длины. Замирает внутри лишь на мгновение, пальцами больно сжимая мои скулы, гипнотизирует взглядом повелителя, заставляя безвозвратно тонуть в омуте любимых глаз. И уже через секунду от нашей нежности и неторопливости не остается и следа – мне необходимо кончить от его члена, и уже не попадая в такт медленной музыке, я двигаюсь на его бедрах, ощущая дикий горячий взгляд на своей вздрагивающей груди и шее, покрытой бусинками пота. Да, быстрее. Хочется стонать и дышать глубже, беспорядочно кусая свои губы... его губы.

– Ахх, да, – вскрикиваю, ощущая, что он подходит к грани. Шипит сквозь сжатые зубы, его пальцы грубее сжимают волосы, талию, и бедра, все вместе, жадно, неудержимо, по очереди. В моей крови взрывается ударная доза противоречивых эмоций: запретная чувственность, сокрушительная страсть, ниспадающая на меня водопадами мощнейшего оргазма. Прикрывая глаза от

наслаждения, смакуя каждую волну сладкой дрожи по телу, ощущающуюся так еще ярче... Под веками вспыхивают звезды, пока я сжимаю в тиски его мощный член, ощущая, что он тоже близко. Открываю глаза, чтобы посмотреть на любимого в момент оргазма.

Вздрагиваю от того, что мое сердце делает резкий скачок в груди, а не от удовольствия. Болезненно сжимается. Нега, разливающаяся по телу, вмиг растворяется, превращаясь в пыль.

«Может, мама была права?» – невольно пробегают мысли, когда в его нездоровом, плутоватом взгляде вспыхивают искры первородного зла. Покусанные мной губы трогает безумная, торжествующая улыбка, желваки бугрятся под линией выразительных скул.

Что происходит?

Никогда прежде его белки не наливались кровью в момент приближения к оргазму. И пока habibi, сжав челюсть в хищном оскале, продолжает насаживать меня на свой член, я не узнаю его, ощущая нехорошее предчувствие. Так я чувствовала себя накануне страшных взрывов, разделивших мою жизнь на две. Дурман в голове рассеивается, как только я понимаю, что habibi не просто сжимает мою шею брильянтовым ожерельем, как часто делает это в преддверии оргазма, а делает это намеренно – причиняя мне боль, перекрывая кислород, заставляя захлебываться приступами удушья и кашля, сходить с ума от охватившей нутро паники.

– Мне больно, – шеплю пытаюсь вразумить его я, но он никак не реагирует на мои слова. Точнее адекватно не реагирует. По-настоящему жутко становится тогда, когда я понимаю, что мои челюсти, виски и лоб сковывает платиновая маска, которую он надевает на меня так быстро и ловко, будто проделывал это сотни раз. Что еще за хрень? Если это эротическая игра, почему habibi не предупредил меня? Маска больно сдавливает голову, превращая мысль в комок оголенных нервов. Я хочу поднять руку и ударить его, чтобы безумец, одержимый то ли страстью, то ли внутренним бесом, прежде не являвшимся мне, очнулся и престал меня душить. В момент, когда моя ладонь вздымается в воздух, что-то тонкое, обжигающее, наделенное дыханием смерти, врезается в мою изнывающую болью шею. Острая игла насквозь пронзает вену. Боль выгибает дугой, я надрывно кричу, будто подбитая в небе птица. Кричу в последний раз в своей жизни.

Тело стремительно немеет, но я успеваю повернуть голову, и вижу зажатый в сильном кулаке шприц. Вновь смотрю на habibi и не узнаю в нем мужчину, которым была поглощена все это время. На меня действительно смотрит Дьявол, полный безумия и одержимости забрать меня в свою преисподнюю.

Что происходит? Что он наделал? Может это игра? Может это такая шутка...?

Хватаюсь за эти мысли, как за спасательный круг, но ничто не может спасти от цунами, несущего за собой лишь обреченность, холод, смерть, остановку дыхания и смерть. Я узнаю ее... она уже была так близко. Много лет назад она дышала мне в затылок.

Я хочу задать ему все эти вопросы, хочу истошно закричать в его дьявольски красивое лицо, чтобы понять, что это за новая игра, и почему он не предупредил меня о правилах. Почему не дал мне шанса выиграть?

Но судя по торжествующему взгляду хабиби, это не игра. А если и она, то она окончена. Для меня.

Поверхность кожи обдает жаром, в то время как каждая вена внутри покрывается инеем; мышцы, еще недавно пронзенные удовольствием, немеют.

Я слишком поздно понимаю, что происходит. Парализующий яд наполняет каждую клетку тела, ощущаю, как кровь застывает, ноги и руки тяжелеют, а каждый вдох дается все труднее и труднее.

Я не могу двигаться.

Я едва дышу.

Что? Что ты со мной сделал, любимый? – Последний, отчаянный вопль внутри. Из глубины души, неспособный вырваться из губ. Никогда больше.

Но это еще не конец его представления. Ответы на мои немые вопросы читаются в его торжествующем взгляде, пока он кончает в мое почти омертвевшее тело. Я этого не чувствую, лишь вижу эмоции, отраженные на его лице, искажающие его черты маской наслаждения. Не такого, как прежде – нездорового, безумного.

Эмоции маньяка, наслаждающегося неминуемой гибелью попавшей в хитросплетенные сети жертвы.

Я медленно умираю от удушья. Чувство обреченности накрывает снова и снова, ощущаю себя утопленницей, неумолимо погружающейся в глубины океана. Но уже не его синих глаз.

Я думала, что с ним, я только начала жить по-настоящему...

– Мактуб, – произносит мужчина, которому я вложила сердце в ладони и позволила отравить смертельным ядом. Чувственные губы изгибаются в порочной усмешке, он придирчиво разглядывает мое закованное в маску лицо, и с толикой радости и удовольствия выплевывает: – Мое порочное совершенство, созданное искушать и соблазнять. Смерть искупит грехи, а я сохраню твою красоту нетленной.

Кончики его пальцев приближаются к краям маски, но я не чувствую касания, и не чувствую, как он скидывает меня на пол салона Кадиллака, но мне не больно.

Плохо, что не больно. Это значит, что...

Я умираю.

И холодное триумфальное выражение в его равнодушном взгляде, говорит мне о том, что так и есть. Я еще мыслю, но уже не могу дышать, не чувствую собственного тела.

Это конец.

Макту?б ??????.

Так предначертано.

Глава 1

«Двое в пустыне пытаются отыскать не только друг друга, но и оазис, где они могут быть вместе».

Джон Фаулз «Коллекционер».

14 лет назад.

Кемар[1 - Кемар – отсоединившийся регион Анмара, после внутренней революции, объявивший о своем суверенитете.], поселение Аззам.

Мелодичный азан муэдзина разносился из галереи высокого минарета над Аззамом. Полуденное знойное солнце стояло в зените, золотые лучи отражались в изогнутом полумесяце, венчающем купол мечети и рассыпались сияющими бликами по белокаменным стенам. На удивление мощным и красивым голосом слепой юноша Абдула, стоя лицом к Мекке, нараспев читал молитву, восхваляя Аллаха и призывая на Джуму[2 - Джума?-нама?з (араб. ????? ?????? – пятничная молитва) – обязательная коллективная молитва мусульман. Совершается в пятницу во время полуденной молитвы в мечетях. Совершение джума-намаза предписано в Коране.] собирающихся возле небольшой мечети прихожан. Его лицо было охвачено безмятежным одухотворением и покоем, а незрячие глаза прикрыты в блаженном умиротворении. Мужчины и женщины в праздничных одеждах с чистым и открытым сердцем, оставив все дела и устремив мысли к Всевышнему, спешили совершить пятничный намаз, являющийся главным событием недели в небольшом и бедном поселении.

С босыми ногами и праведными мыслями мужчины устремлялись занять места сразу за имамом Ибрагимом, готовящимся читать пятничную проповедь, в то время, как женщины смиренно занимали самые дальние ряды за деревянной перегородкой, разделяющей молитвенный зал. Дочери усаживались на бардовые толстые ковры рядом с матерями, сыновья с отцами. Никто не кричал, не суетился, не толкался, не предавался пустой болтовне. Даже самые неугомонные маленькие ребятишки робко опускали головы, проникаясь атмосферой благочестия и торжественной святости.

Пронзительный, приятный и ласкающий слух голос слепого муэдзина прозвучал в последний раз с украшенного узорчатой кирпичной кладкой минарета, возвышающего над Аззамом. Почти все жители поселения собрались на Джуму сегодня, за исключением больных, беременных, малолетних детишек и

неможных стариков. Не больше ста двадцати человек насчитал зорким взглядом имам, начиная молитву.

Джамаль, тринадцатилетний сын местного реставратора Омара Камалья – набожного, бедного и уважаемого человека, пришел в мечеть в числе первых вместе с отцом. Омар помогал имаму Ибрагиму с мелкими поручениями от чистого сердца и не брал за свою работу никакой платы. Орнаментная вязь, богатые узоры на михрабе[3 - Михраб (???????) – ниша в стене мечети, часто украшенная двумя колоннами и аркой. Михраб указывает направление на Мекку (киблу) и чаще всего расположен в середине стены. Михраб предназначен для того, чтобы в нём молился имам мечети (руководитель намаза), который во время молитвы должен находиться впереди остальных молящихся.] и слова из священного Корана были выведены сильной и уверенной рукой истинно верующего мусульманина Омара Камалья. И, если где-то краски выцветали и трескались, то он или Джамаль первыми спешили исправить малейшее несовершенство в мечети. Омар Камаль каждый день возносил молитву Аллаху за то, что сын разделил его талант к творчеству, крепкую веру и стремление вести благочестивую жизнь и молился о его душе больше, чем о своей собственной. И тому были веские причины, о которых не знал ни Джамаль, ни даже самые близкие родственники Омара.

Заняв свое привычное место и окинув взглядом молитвенный зал, юноша увидел, как отец вместе с другими верующими склонил колени. Его мать Сара и две сестры должны были прийти чуть позже. Юноша никогда не молился рядом с отцом, выбирая самый последний ряд. Никто не удивлялся, зная, что Джамаль так поступает, чтобы быть поближе к маленьким сестрам и матери. Сара гордилась, рассказывая подругам, каким защитником растет ее единственный сын.

Но правду знал только Джамаль, испытывая глубокую вину и стыд за то, что его мысли были далеки от благочестия и святости, прививаемых отцом с раннего детства. Вовсе не забота о матери и сестрах держали мальчика в крайнем ряду перед ограждением, за которым молились женщины, а голубые глаза девочки в черной абайе[4 - Аба?йя (араб. ?????; произносится ?aba?ja или ?aba??a) – длинное традиционное арабское женское платье с рукавами; не подпоясывается. Предназначена для ношения в общественных местах. Обычно чёрного цвета, но встречаются также разноцветные. Часто абайя обильно разукрашена вышивкой, бисером, стразами. В некоторых арабских странах – обязательная одежда для мусульманок и иностранок, надеваемая вместе с

хиджабом или никабом.] и плотном хиджабе с прорезями, сквозь которые она смотрела на мир и на него... Джамалю Камалю.

Девочка приходила в мечеть с отцом и братьями, которые молились отдельно. Одинокая, скромная, маленькая, редко поднимающая с пола робкий взгляд, но, когда это случалось, Джамаль от волнения забывал слова молитвы и смотрел только на нее, нарушая все запреты, пытаясь не пропустить короткие мгновения, запомнить каждый оттенок небесной лазури, чтобы потом запечатлеть в своих набросках, которые прятал в укромный уголок подальше от глаз родителей. Но сколько бы юноша не рисовал голубоглазую незнакомку, работы получались незаконченными, не отражающими всей той красоты и хрустальности, которые он видел во время краткого пугливого обмена взглядами во время молитвы. Всею виной хиджаб, скрывающий от него оставшуюся часть лица, не менее красивого (он был в этом абсолютно уверен), чем большие миндалевидные небесные глаза с беспокойной рябью, рассыпавшейся серебристыми точками по голубой радужке. Светлые, насыщенные, бездонные, несвойственные аzzамским девочкам, они заколдовали, заморозили Джамалю, навеяв мысли о прозрачных чистых водах глубоких далеких морей и бушующих океанов, которые он никогда не видел. Про себя Джамаль называл ее Эйнин. Ему казалось, что это имя идеально подходит девочке.

Каждый раз она робко опускала ресницы, встретив его прямой настойчивый взгляд, но, когда он украдкой опять оборачивался, поднимала снова. И, наверное, точно так же стыдилась интереса, который пробуждал в ней черноволосый высокий мальчик с темно-синими выразительными, пронзительными глазами, являющимися редкостью в здешних местах. Но только Джамалю приходила в голову мысль нарисовать глаза Эйнин, чтобы сохранить их лазурный, чистый небесный свет на бумаге и в памяти.

Если бы отец нашел его папку с работами, то прибег бы к самым жестким мерам, может быть, даже к порке розгами. Джамаль выдержал бы любое наказание со смирением, потому что заслужил его. И он и голубоглазая девочка поддались соблазну в самом неподходящем для греховных мыслей месте, нарушили запрет.

Даже не оборачиваясь Джамаль угадывал, когда Эйнин занимала свое место за перегородкой, и за молитву позволял себе обернуться не больше двух-трех раз, чтобы не навлечь подозрения других женщин. И девочка, осознано или нет, помогала ему (или являлась испытанием для его веры), вставая рядом с матерью

и сестрами Джамалья. Именно поэтому Сара Камаль думала, что сын оглядывается, чтобы посмотреть на нее. Вот и сейчас быстро повернув голову, Джамаль утонул в бездонных глазах девочки. Плотно сжал губы, стараясь сдержать зарождающуюся в уголках губ улыбку. С трудом оторвавшись, скользнул вправо в поисках мамы и сестёр, но их места до сих пор оставались пустыми, хотя имам уже заканчивал проповедь. Сара Камаль никогда не опаздывала на пятничную молитву, которую ждали целую неделю, как редкий праздник в Аззаме.

Нехорошее предчувствие шевельнулось внутри, но Джамаль отогнал прочь дурные мысли, прислушался к словам имама Ибрагима, присоединяясь к молитве. Благочестивое песнопение оборвалось внезапно. Первый хлопок раздался прямо перед михрабом. Некоторые молящиеся даже не успели встать с колен, пораженные искореженными осколками самодельной бомбы. Когда они умирали, их губы все еще шептали слова молитвы.

Следующий взрыв прогремел через несколько секунд с правой стороны, вспыхнули и задымились ковры; по мечети пополз сизый едкий дым, началась паника и крики, надрывно плакали дети, кашляя и задыхаясь. В оба входа мечети ворвались вооруженные мужчины с обернутыми вокруг лица платками, и без разбора начали палить из автоматов по пытающимся выбраться людям. Все происходило стремительно, быстро; взрывы, стрельба, хаос.

Крепкий мужчина, громко крича имена своих близких, толкнул Джамалья и рванул вперед, но тут же упал, остановленный автоматной очередью и больше не шевелился. В панике мужчины и женщины, подхватив на руки детей, бежали к выходу, но там их ждали пули повстанцев. Джамаль скрипнул зубами от отчаянья. Мысль об отце мелькнула в сознании алым всполохом, и он метнулся вперед, в самую гущу кровавой бойни, не думая о собственной жизни. Сделав пару шагов, он споткнулся о тело одного из погибших, которое не рассмотрел в дыму, упал сверху, испачкав лицо и одежду в крови. Открытые мертвые глаза смотрели с изуродованного смертельным ранением лица, и застывший в них навечно ужас передался Джамалю. Стирая рукавом рубахи чужую кровь с щеки, юноша заставил себя подняться и внезапно увидел сжавшуюся у стены Эйнин, голубоглазую девчонку. В шоке и ужасе она смотрела на него обезумевшим отчаянным взглядом, ее голые маленькие ступни были поранены и кровоточили, в пальцах она нервно сжимала четки. Бездонные озера слез взирали на него, но не умоляли о помощи, нет... Они оба в этот момент ничего не осознавали. Звуки выстрелов, яростные крики мятежников, отчаянные мольбы умирающих...

– Пригнись, – Джамаль схватил девочку за руку, дёрнув вниз так, что она неловко приземлилась на четвереньки. Черный дым становился плотнее, укрывая юношу и девочку от безжалостных взглядов убийц. Белая краска на стенах мечети обуглилась и потемнела. Многочасовые труды Джамали и его отца были уничтожены за несколько минут. Всюду смерть, боль. Крики громче, выстрелы чаще.

– Нам туда. Ползти сможешь? – стиснув зубы от охватившего его гнева, спросил Джамаль, показал в сторону задней стены и, дождавшись кивка Эйнин, пополз первым, постоянно оглядываясь, чтобы убедиться, что девочку не ранили, и она не отстала. Немногие из прихожан знали, что там, под полом, находился лаз, ведущий наружу, напрямик в специальные комнаты для совершения омовений. Имам Ибрагим, Омар Камаль и другие работники мечети знали о подземном ходе, и Джамаль тоже... Если бы он окликнул остальных, то никто бы не спасся. Смертельная давка и поголовный расстрел – вот, каким был бы результат.

– Сюда, – загибая край ковра, Джамаль дернул за медное кольцо, поднимая металлический люк, откуда пахло влажной землёй и плесенью.

– Там папа, мои братья... нет, – отрицательно замотав головой, впервые заговорила девочка, упрямое выражение отразилось в голубых глазах.

– Сначала ты, потом они, – Джамаль показывал пальцем на нее, а потом на мечущихся в ужасе людей, скрытых от них плотной пеленой черного тумана. – Я вернусь сюда и помогу, кому успею. Хорошо? – он дал обещание, которое знал, что, возможно, не сможет сдержать. – Ты мне веришь? – Шмыгнув носом, девочка снова кивнула, но не двигалась, не сводя с него глаз.

– Быстрее, давай же, – прикрикнул на нее парень. Совсем рядом в стену вошла пуля, отрекошетив в паре сантиметров от его головы. Длинное неудобное одеяние мешало девочке, сковывало движения, и, потеряв терпение, Джамаль толкнул Эйнин прямо в лаз, и спустился следом, закрыв люк. Оказавшись в кромешной темноте, на земляном полу, девочка отчаянно и в голос зарыдала. Нашупав ее руку, он крепко сжал ледяные пальцы и помог подняться.

– Я знаю куда идти. Не бойся. Я выведу тебя.

Она тряслась от шока, пока он уверенно вел ее за собой. Ему тоже было страшно. Не меньше, чем хрупкой маленькой Эйнин, но Джамаль не мог плакать, не мог позволить себе быть слабым. В ушах стояли крики детей, которых он не успел и уже не успеет спасти... Впереди замаячила полоска света и Джамаль остановился. Взял оцепеневшую, дрожащую в нервном ознобе Эйнин за плечи и встряхнул, пытаясь привести в чувство.

– Видишь свет? Там выход в комнаты для омовения, а прямо за ними пустыня Махрус. Беги туда и не оглядывайся, – проговорил решительным непреклонным голосом. Она подняла голову и ее глаза, похожие на цветущие оазисы, сверкнули от слез.

– Нет, я дождусь тебя здесь, – надорвано возразила девочка, тряхнув головой. Ее длинные мокрые ресницы слиплись и прогнулись от обилия влаги.

– Военные Кемара спасут тебя. Не жди меня. Беги, – прикрикнул на нее Джамаль, разворачивая и толкая вперед. – Беги. Быстро!.. Нет, постой, – схватил за запястье и резко дернул на себя, что-то тяжелое и прохладное сунул в раскрытую ладонь. – Сохрани. Для меня. Если суждено, я выживу и найду тебя.

Она горько заплакала, глядя в синие глаза спасшего ее юноши. В мечети остались ее отец и два брата. Если она убежит, то никогда их больше не увидит. И его тоже. Они оба это понимали.

– Беги. Времени мало, – надломленным, измученным голосом, проговорил Джамаль. В его глазах мелькнули боль и отчаянье. Белая праздничная рубаша порвалась в нескольких местах, запачкалась копотью и кровью. Красивое, но совсем еще мальчишеское, скуластое лицо исказило яростное выражение. – Беги же, глупая!

– Возьми, они тебя защитят, я сама их сделала, – пролепетала девочка, снимая обёрнутые вокруг запястья четки. Неидеальные и неровные разноцветные бусины, нанизанные на шелковую нить, опустились в его ладонь. Прищурившись, он смотрел в прекрасные глаза Эйнин, осознавая, что возможно, никогда не сможет вернуть ей ее сокровище. – Я буду молиться за тебя.

– Беги, я сказал! – Сунув четки в карман, зарычал он. – Спасайся, – и снова толкнул ее в спину, показывая рукой в сторону слишком яркого для этого

страшного черного дня света, а потом развернулся и скрылся в темноте.

– Как тебя зовут? – спохватившись, крикнула она ему вслед, но так и не дождалась ответа.

В одиночку Джамаль добрался до люка гораздо быстрее и через пару минут уже снова был в мечети – в самом пекле преисподней. Гарь, пламя, смрад и зловещая тишина, десятки мертвых обезображенных тел, и прохаживающиеся между ними мятежники с кислородными масками на лице и поднятыми наготове автоматами. Сердце Джамала окаменело в неверии, когда среди повстанцев он увидел стройную женщину. Во время бойни платок слетел с ее волос, которые рассыпались по бесстыдно облегающему тело чёрному костюму. Один из убийц в маске окликнул ее, показав на шевельнувшегося в проходе мальчика. Джамаль с упавшим сердцем узнал его. Слепой муэдзин Абдула. Сирота, одаренный и добрый мальчик, с удивительным красивым голосом, он не совершил в своей набожной жизни ни одного греха. Подняв руки, он умолял пощадить его. Оглушительный щелчок отбросил мальчишку к стене. Слепота не позволила Абдуле увидеть, что в него стреляла та, что должна рожать детей, а не убивать их. Он умер быстро, и Джамаль надеялся, что его смерть тоже не будет мучительной и долгой.

Закрыв глаза, Джамаль опустился на колени, но не для молитвы или мольбы о спасении. Силы оставили его, угарный газ заполнил легкие, в голове разливалась звенящая пустота.

– Кто тут у нас? – ускользающее сознание юноши уловило насмешливый женский голос. Он успел увидеть склонившееся над ним лицо, не скрытое паранджой. Красивое и жестокое, с правильными выразительными чертами и смуглой совершенной кожей. Несмотря на близость смерти, взгляд художника подмечал, запоминал малейшие детали. Стальные серебристые подведенные глаза, изящные изогнутые брови, ярко-накрашенные губы, длинные густые локоны, змеящиеся до пояса. Если глаза Эйнин напоминали ему цветущие оазисы, влекущие и безмятежные, то глаза этой женщины – разверзнувшуюся бездну ада, ледяные пустые колодцы с ядовитой водой, на дне которых кишат змеи.

Если бы выпал шанс, он бы запечатлел на холсте их обеих. Чистота и мерзость. Но последнюю рисовал бы мертвой, в каждом оттенке и мазке отражая ее истинную сущность. Жизнь и смерть, пепел и дым, уродство и совершенство, грязь и красота, грех и искупление...

* * *

– Я дождусь, – прошептала девочка, разжимая ладонь. Слезы капали на грязные пальцы, омывая перстень, инкрустированный сияющими драгоценными камнями и выбитым замысловатым оттиском змеи в центре. Стиснув кольцо в кулаке, она зажмурила глаза, приказав себе не плакать.

– Я сохраню его, – поклялась она самой себе. Присела на корточки, обхватив вздрагивающие плечи руками, и начала молиться, раскачиваясь из стороны в сторону, но ее веры оказалось недостаточно, чтобы спасти и защитить. И девочка винила себя в этом, потому что позволила греху проникнуть в мысли. Она раньше всех из сестер надела платок, но все равно не избежала соблазна. Отец не раз говорил, что ее лицо создано, чтобы искушать и вводить мужчин в грех и безбожие, и она скрывала его, из-за всех сил стараясь быть такой же смиренной и благочестивой, как младшие сестры.

Встав на ноги, девочка посмотрела в черноту, в которой скрылся спасший ее юноша, подарив и одновременно забрав надежду. Высокий, красивый с чеканными чертами лица и высокими скулами, он много месяцев смотрел на нее опасными, пронзительными глазами, сверкающими на смуглом лице, подобно аметистам. Такой юный, но уже отважный, смелый. Он бросился на помощь не раздумывая, а потом ушел спасать остальных. Говорят, что у принцев Анмара, сыновей короля Махмуда тоже светлые глаза. Может быть это просто слухи, но девочка верила в них, как и многие другие в ее возрасте, предаваясь сказочным фантазиями. Возможно, она никогда больше не увидит своего загадочного спасителя, но в далеком будущем синеглазые мужчины всегда будут привлекать ее женское начало, беречь душу и взывать к покрытым пеплом воспоминаниям.

Каждая новая минута тянулась как вечность, разрывая отчаянно колотящееся сердце в детской груди. Она неотрывно смотрела в темноту, в которую шагнул синеглазый мальчик. Сейчас оттуда вырывались языки пламени, горячий жар опалял кожу.

Все кончено. Они погибли. Все до единого. Сизый едкий туман распространялся все быстрее и быстрее. Легкие сжались, отравленные угарным газом, ноги онемели, и даже боль в пораненных ступнях затихла. Сердце застыло, слезы

высохли, надежда угасла, оставив последнюю молитву незаконченной. И только когда стена огня и дыма приблизилась почти вплотную, девочка побежала. Она бежала, не чувствуя, как горит под ногами земля, не отрывая воспалённого взгляда от приближающегося слепящего пятна света. Она бежала навстречу спасению, но еще не подозревала, какой ад ее ждёт впереди...

Глава 2

«Раскрыть людям себя и скрыть художника – вот к чему стремится искусство».

О. Уайльд. «Портрет Дориана Грея».

Наши дни. Нью-Йорк.

Нью-Йорк Таймс: В одном из неблагополучных районов Нью-Йорка был обнаружен труп двадцатипятилетней модели ливанского происхождения.

Полиция занялась расследованием необычного убийства Марьям Зидан, которую без видимых признаков насильственной смерти нашли утром 8 апреля в гетто, в одном из заброшенных домов.

Полицейские не разглашают подробности дела. Однако неофициальные источники сообщают, что вероятной причиной смерти Марьям является отравление неизвестным веществом. В момент обнаружения на обнажённом теле девушки были найдены элитные драгоценности, а на лице металлическая маска. Из возможных причин случившегося называется ее профессиональная деятельность или бытовой конфликт на почве ревности. Религиозный контекст убийства модели с Ближнего Востока полиция в настоящий момент отрицает, отказываясь давать какие-либо комментарии по данному инциденту.

Расследование усиленно ведётся, на месте преступления работают эксперты. Следствие опрашивает всех, кто вступал в контакт с Марьям Зидан накануне ее смерти для выявления круга подозреваемых и возможных причин инцидента.

Нью-Йорк Таймс: Сеть взорвали посмертные снимки отравленной ливанской модели, выложенные неизвестным.

Напомним, что инцидент произошел 8 апреля. В гетто было обнаружено тело двадцатипятилетней Марьям Зидан.

В настоящий момент официальной причиной смерти полиция штата называет отравление. Личность убийцы до сих пор не установлена.

Утром, 11 апреля, в сеть попали взорвавшие общественность снимки Марьям, которые оперативно были удалены полицией из общего доступа. Ужасает тот факт, что фотографии с большой долей вероятности выложены убийцей, который, помимо жестокости, обладает тонким художественным вкусом. Предполагается, что снимки сделаны уже после наступления смерти. Так же всплыли новые детали, ранее не разглашающие прессе – кожа убитой, как видно на снимках, покрыта арабской вязью.

Репортаж NBC:

Вчера, 3 мая, после анонимного звонка, на свалке, на окраине штата, было найдено еще одно тело модели с ближневосточными корнями. Двадцати семилетняя красавица Алия Фарес по предварительной версии следствия была отравлена. Обстоятельства смерти модели схожи с обнаруженной в гетто три недели назад Марьям Зидан, и это привело следствие к выводу, что убийства носят серийный характер. В настоящий момент к расследованию присоединилось ФБР. Дело взято под особый контроль.

Нью-Йорк Таймс: Снимки еще одной убитой отравленной серийным маньяком модели попали в сеть

Нью-Йорк Таймс: Нью-Йорк замер в страхе, что убийства фотомоделей продолжатся. ФБР и полиция не дают никаких комментариев, методично удаляя просачивающиеся в сеть фотографии девушек.

Нью-Йорк Таймс: Жутко-красивая смерть, грязь и бриллианты, обнажённое тело и скрытое маской лицо. Что хочет сказать обществу своими преступлениями «ядовитый любовник»?

Нью-Йорк Таймс: Установлено, что бриллианты, обнаруженные на телах обеих жертв «ядовитого любовника», выпущены ювелирной Анмарской корпорацией «Лакшери Корп». Анонимные источники утверждают, что незадолго до гибели у девушек появился таинственный поклонник. Что это – совпадение?

Рика

– «Он глубоко вдохнул, последний раз пробуя на вкус кислород, соленый воздух и горячий ветер пустыни. Принц знал, что, несмотря на то, что душа его любимой уже покинула тело, которое неистово целовал и крепко прижимал к себе еще несколько часов назад: она рядом. Повсюду. Все, что его окружало, было пропитано ею – девушкой, которая вернула к жизни сердце принца, но заплатила за это слишком высокую цену. Перед тем, как замертво упасть на мраморный ледяной пол дворца, принц подумал о том, что никогда прежде он не чувствовал себя таким живым – и умереть следом за своей возлюбленной стало для него великой благодатью и очищением от куда более разрушающего явления, чем смерть – бесконечной пустоты...» – мягкий голос матери затихает на столь загадочной и печальной ноте и она с легким хлопком закрывает старую книгу в потрепанном переплете. Многие из страниц писания «Легенды Анмара» давно пожухли, иссохли, стерлись, но я любила этот старенький фолиант, и обожала наш с мамой ритуал: каждый день, она с придыханием читала мне небольшие истории, рассказывающие как о королевской династии Мактум, так и о простых людях Анмара, где каждый был наделен своей особой, неповторимой, захватывающей судьбой. Я слепо верила каждой сказке, пока разглядывала нежную улыбку мамы, ее светлые глаза, в которые глядела, как в зеркало, как в отражение своих. «Alsama' la yahda»[5 - Беспокойное небо.] называл цвет их радужки папа. Я – единственный ребенок в семье, унаследовавший внешность матери-американки, и поэтому отец настоял на том, чтобы общественные места я посещала исключительно в платке и не привлекала лишнего внимания к своей экзотической для этих мест внешности.

Помню, как прижималась к маме, ощущая вибрации тепла, исходящие от нее, такой родной и любимой... запах ее тела: домашний сыр, молоко, специи, которыми она изрядно сдабривала кашу из нута. Она обнимала меня крепко-крепко, пока я размышляла о предсмертной агонии принца, в которой он обрел свое счастье.

– Что значит «умереть», мам? И почему принц все-таки не боялся смерти? Все боялись, кроме него... – тихо интересуюсь у матери я, заглядывая в ее небесные глаза, нервно теребя заплатки на старом одеяле. Вечерние посиделки с мамой всегда происходили в небольшой комнате, которую я искренне любила и называла своей комнатой, несмотря на то, что за тонкой стеной, воздвигнутой будто из картона, находилась спальня родителей. Наш дом считался очень неплохим убежищем по меркам Кемара, можно сказать, по сравнению с многими другими семьями, мы жили в достатке. – С небес не возвращаются?

– Да, милая, – мама поцеловала меня в макушку и нежно улыбнулась. – Но что бы ни случилось в людских судьбах, рано или поздно мы все оказываемся там.

– И встречаемся?

– Конечно, дорогая. Но ты не должна этого бояться. Ты будешь жить долго, моя Мина. В нашей стране грядут не самые лучшие времена, но ты ничего не должна бояться, слышишь? – обеспокоенный взгляд матери на миг пугает своей серьезностью и сосредоточенностью. – Помни, что я, папа, братья и сестры – мы всегда будем рядом с тобой. И в жизни, и на небесах. Наша связь нерушима и вечна. Будь храброй, Медина. Пообещай, что будешь сильной, несмотря ни на что, – тревога в небесных глазах матери нарастает, и их яркий цвет темнеет, будто затягиваясь грозowymi тучами. Мое сердце пускается вскачь от ее странных предостережений, которые, как оказалось, станут пророческими и повлекут за собой реальные трагические события.

– Обещаю, мамочка. Я буду самой бесстрашной девочкой в мире, – тесно прижавшись к материнской груди, засыпаю в ее ласковых и заботливых объятиях.

Детское воспоминание обрывается мощным звуком оглушительного выстрела. Ударная волна, сопровождающая вылетевшую из дула пистолета пулю, заставляет меня еще крепче сжать рукоять ствола двумя руками. Мгновение спустя, я наблюдаю в картонной мишени крошечную аккуратную дыру от сквозной пули, вдребезги разбившей прозрачный образ моей прошлой жизни, кинолентой, прокрутившейся перед внутренним взором.

Сжимаю зубы, ощущая, как до боли сводит мышцы лица. С бушующим в груди остервенением поражаю следующую картонную цель и вновь не попадаю в ее эпицентр, обозначенный красной точкой.

Черт.

Тихо рыкнув, испытываю острое недовольство собой, и со всей дури жму на клавишу запуска тренировочно-стрелковой программы, оборудованной в этом небольшом помещении, расположенном под фундаментом дома, в котором я когда-то обрела новую семью.

Четырнадцать лет назад.

Мой приемный отец, будучи правой рукой главы отдела «Национальной безопасности» ЦРУ, подарил мне этот крошечный полигон на пятнадцатый день рождения – думаю, это помещение под домом всегда являлось его личным штабом, и он просто позволил мне проводить здесь время, которое я предпочитала отдавать поглощению новой информации, спортивным и стрелковым тренировкам. Обстановка в подземной базе так и располагает к работе: серые стены, парочка навороченных компьютеров, помогающих мне в быстром анализе собранной информации по объектам, небольшой «тир» с встроенной программой обучения, и старые тренажеры, на которых я периодически выпускаю свой пыл, ярость, злость, боль, отчаяние, заворачиваюсь в броневой коккон, тренируя силу воли и духа, чтобы никто и близко не подобрался к тому, что скрываю внутри.

Сколько себя помню, я всегда пыталась заполнить внутреннюю пробоину бесчисленным количеством дел, секций и занятий, спортом и своими планами по спасению мира. Но я недооценила всепоглощающую, горькую, разрастающуюся с каждым днем бездну, образовавшуюся во мне в тот день, когда Аззамский теракт стер с лица земли крошечное поселение в Кемаре, оборвав сотни невинных жизней, уничтожив единственную в Аззаме мечеть, спалив дотла все жилые дома и мечты маленькой девочки, жаждущей однажды оказаться на страницах книги «Легенды Анмара».

Как глупо. Той маленькой мечтательницей была не я. Кто-то другой. Сегодня я – «оружие», неплохая ищейка, способная достать необходимую информацию из недр вулкана, кишашего иностранными агентами, шпионами и разведчиками,

находящимися под подозрением у органов власти. Звучит круто, но на самом деле я не делаю ничего серьезного: играю роль поверхностной инстаграм-модели и бегаю по тусовкам, успевая прикреплять «жучки» и GPS-маячки на подозреваемых лиц, несущих угрозу моей стране. Навык по притяжению любого мужчины, отработан мною до совершенства, и, как правило, все мои задания сводятся к тому, что я должна очаровать объект, заговорить ему зубы, вступить с ним в близкий контакт, «пометить» его необходимым устройством и благополучно скрыться с горизонта.

– Запуск программы, – пространство моего мини-штаба, который я кратко назвала своим давно забытым арабским именем «Медина», наполняет механический женский голос. Сосредоточившись на команде, я про себя повторяю слова, отбивающие отмеренные мне секунды на подготовку, на каждый третий удар сердца: – Испытание начинается через одну, две...

Команду «три» я уже не слышу. Наушники не спасают от звуков, способных довести барабанные перепонки до кровотечения. Рывком достав пистолет из заднего кармана джинс, до хруста в костяшках пальцев сжимаю его рукоять, и без промедления и сомнений стреляю по постоянно перемещающимся перед моим взором мишеням, прекрасно понимая, что никакая сейчас это не тренировка. Это – моя агония. Я сбрасываю накопившееся за несколько месяцев напряжение самым доступным для себя способом, но никак не оттачиваю навык стрелкового мастерства.

Некоторые девушки бьют тарелки, срываются на всех подряд в тяжелые периоды жизни. Кто-то закрывается в своей комнате и рыдает над сопливыми мелодрамами Спаркса. А я просто прихожу сюда и предаюсь воспоминаниям... без конца прохожу стрелковую тренировку, стараясь побороть свой страх перед оружием. С этим я почти справилась. Есть у меня и другая особенность, фактически фобия, которую, победить невозможно, но о ней агенту ЦРУ вслух рассказать стыдно.

За каждым нажатием на спусковой крючок, следует волновая отдача от выстрелов, дрожь в пальцах и постоянные промахи становятся чаще. Проявлять слабость с оружием в руках – непозволительная роскошь для младшего агента.

– Пять целей из десяти. Процент вашей меткости – пятьдесят, – выносит свой приговор механический голос, и тяжело вздохнув, я вновь нажимаю на спусковой крючок, добивая последний патрон в магазине. Всего пятьдесят.

Этого недостаточно. Я хочу быть готова к серьезным заданиям и устала от детских игр и постоянных глупых миссий, в которых мне отведена роль даже не второго, а третьего плана. Да, я еще молода и неопытна, но мне хотелось бы приносить серьезную пользу обществу, и возможно когда-нибудь... предотвратить страшные события, влекущие за собой гибель сотен невинных людей...

Мелкая агонизирующая дрожь пробирает до кончиков пальцев. Мне невыносимо вспоминать тот день, когда от нашего поселения остались крупички пепла и пыли, со временем превратившиеся в пески Махруса... Четырнадцать лет назад Аззам перестал существовать, но я выжила.

Я хочу быть бесстрашной, как и обещала.

Но сейчас, я не более, чем кукла, вынужденная обновлять свой инстаграм красивыми и не всегда целомудренными фотографиями, которые должны создавать у общественности совершенно четкий образ поверхностной идиотки, как говорят в Нью-Йорке «юной светской львицы».

Красивая «приманка», поблескивающий фантик, несостоявшаяся актриса – кто я? Не знаю. Я и сама иногда теряюсь в гранях своей личности, изредка получая удовольствие над властью над мужчинами, заглядывающими мне в рот – спасибо психологическим техникам, которым обучили на службе и в тренировочных лагерях. Я давно не встречала того, кто был бы как минимум равен мне, а еще лучше – сильнее меня. Во всех смыслах: энергетически, ментально, интеллектуально, морально, физически... даже в роли роковой штучки в соблазнительных платьях я ощущаю свое внутреннее превосходство над большинством современных мужчин, половина из которых ударились в «радужный мир», а следующая четверть – являются слабыми тьюфками, или гламурными павлинами, считающими, что уровень мужественности и внутренней силы эквивалентен количеству нулей на их банковском счете. Деньги порой хороший показатель, не спорю, но, чтобы ввести меня в замешательство на задании, мне нужно куда больше. Глубже. И я сейчас не о том, что вы могли бы подумать. Лишь мужчина, обладающий звериной, и в то же время закованной в стальные доспехи энергетикой и некричащей абсолютной властью внутри, способен приручить меня и избежать моего пытливого «жучка». В общем, таких я на заданиях не встречала.

Остается последняя четверть. Небольшой процент тех, кого я уважаю, на кого смотрю снизу-вверх, но подобных экземпляров так чертовски мало, что я давно поняла: брак, отношения, любовь – это не для меня. Я отдам свое сердце борьбе с демонами, которыми кишат улицы, города и страны. Поэтому и надоели все эти игры в песочнице, соблазнение «кошельков» на пафосных вечеринках; слезка, и, причем довольно бесцельная, потому что меня иногда даже не вводят в курс дела, лишь обозначают задачи. В перерывах между миссиями и вовсе приходится сотрудничать с модными брендами, стряпать глупый контент в социальную сеть и читать гневные комментарии от дамочек, которые с утра до ночи поливают мою отвратительную на их взгляд фигуру «песочные часы».

Моя душа горит, жаждет адреналина, погони за раскрытием страшных тайн в делах, которые я вижу лишь украдкой, и в которых мне никогда не позволяют участвовать. Я просто хочу быть полезной, и знать, что как можно меньше девятилетних девочек переживут то, что пережила я.

Ощущение того, что я должна отдать долг за сохраненную жизнь в том проклятом теракте, никогда не отпускает, тяжелым камнем давит на плечи. Вся моя семья погибла, все, кто были в мечети и близ нее уничтожены – и это не мои домыслы, а факт. Надломленная детская психика закрыла часть воспоминаний... стыдно признаться, но я не помню даже лиц своих родителей и братьев и сестер. Я даже знаю причину подобного отрешения: последнее, четкий образ – это безжизненно упавшее замертво тело моего младшего брата Эдриана. Его пустой взгляд, устремленный в затянутый смогом, пылью и дымом потолок мечети. Неестественное положение маленьких рук и ног. Совсем кроха. Лужа крови, постепенно превращающаяся в багряный океан... алая пелена застилает остальные мертвые тела, павшие рядом с Эдри. Помню, как прижалась всем телом к стене, и горько рыдала, мечтая очнуться. Проснуться в объятиях матери. То, что мне больше не суждено ее увидеть, и наш дом взорван снарядом с воздуха, я еще не знала... если бы знала – наверное, улеглась бы рядышком с Эдрианом и смиренно сложила руки, приготовившись мучительно задышаться от гари и дыма. Наверное, такое желание у меня было. Но что-то изменило мои планы...

Я должна была погибнуть вместе со своей семьей. Но этого не случилось.

Как я спаслась?

Меня спас мальчик. Я не знаю его имени, хотя не раз наблюдала за ним, испытывая непреодолимое желание познакомиться ближе. Вера не позволяла. А ведь я даже не помню черты его лица, но именно ему я обязана жизнью.

Мой приемный отец, Мэтью, говорит, что я выжила, потому что у судьбы были на меня другие планы. Но все мы прекрасно знаем, что это лишь пыль, красивые слова, что ничего не значат, ровно до того момента, пока они не превращаются в поступки и цели. Ничего особо полезного я в этой жизни пока не сделала. Не спасла ни единой жизни, не раскрыла важного дела. Годы подготовок в лагерях ЦРУ – неужели все это ради того, чтобы стать ручной куклой, чей удел собирать незначительную информацию? Этого слишком мало, чтобы перестать ощущать чувство вины за то, что я спаслась, в отличие от семьи и остальных жителей Аззама.

На мгновение я прикрываю веки, на несколько секунд возвращаясь в тот роковой день, демонстрирующий мне истинную природу человечества на данном этапе развития... хотя напавшие на нас, по всей видимости, людьми не являлись. И животными тоже. Животными были мы... жалким скотом на убой, у которого не было шансов на спасение. В той жизни у меня не было того, что есть сейчас – связей, приятных материальных ценностей, возможностей, открывающихся в Нью-Йорке... Моя жизнь была безмятежной, можно сказать, ненасыщенной событиями и скучной, но я никогда не была одинока, находила счастье в каждом дуновении ветра и обжигающем поцелуе Кемарского солнца. Я не была пуста, когда зачарованно наблюдала за ним: за мальчиком, которого видела вблизи лишь однажды, я не была пуста, когда смотрела в зеркало и закрывала почти каждый сантиметр своего тела темной тканью, и думала о том, что мальчик, чьи глаза цвета индиго – неповторимые, яркие, как в сказках у принцев из «Легенд Анмара», даже не знает, как я выгляжу. Но это не помешало ему рискнуть своей жизнью, спасти меня, и храбро вернуться за своими и моими родными. Не представляю, какой внутренней силой и смелостью нужно обладать в столь юном возрасте, чтобы отважиться на такой отчаянный, неоправданный шаг. Я сдержала данное юноше обещание. Жаль, что мне все-таки не суждено отдать ему перстень, который я изредка надеваю на шею, а в остальные дни храню под корешком потрепанной обложки книги «Легенды Анмара». В день ужасной трагедии, я спрятала любимые сказки под паранджой и взяла с собой в мечеть, словно чувствовала, что это единственное, что мне останется в память о матери.

Семья – один из нескольких бесценных даров жизни, каким только может обладать человек. И очень жаль, что некоторым суждено ее потерять, и

слишком рано осознать, что у тебя в этой жизни есть только ты, и узкий круг твоих близких, которым стоит дорожить, о которых стоит заботиться.

Поэтому я и сейчас живу в постоянном страхе за приемного отца и младшего брата, к которому привязана, почти как к родному. Как ни крути, но Мэтт, мой отец, постоянно находится под прицелом и в эпицентре опасности. А Люк просто обожает попадать в неприятности.

– Эрика! – звенящий тревогой голос отца заставляет вздрогнуть, и я снимаю наушники, спасающие мой слух от оглушительно громких выстрелов. Обернувшись, встречаюсь взглядом с Мэтью. В груди разливается знакомое тепло, которое возникает внутри каждый раз, когда я вижу приемного отца. Мой взгляд скользит по изможденным и уставшим чертам его лица, пока одним ловким движением я вынимаю опустевший магазин из рукоятки пистолета.

Я не сразу стала называть Мэтью «папой», все-таки я потеряла семью в довольно осознанном возрасте и за первый год не связала ни одного предложения. Шок был настолько силен, что некоторые психологи заявляли Мэтту, что я никогда не буду разговаривать. Они все задавали мне вопросы, убеждали в том, что я должна проговаривать свою боль, обсудить с ними свои чувства от горя и потери, но я молчала, потому что испытывала жуткий стыд за то, что произошло со мной после нападения на мечеть.

В одночасье моя душа разбилась на мелкие осколки.

И один из них откололся в мечети.

Другой – в страшные, наполненные отчаянием часы, пока я скиталась по пустыне Махрус, давась слезами, сходя с ума от голода и боли, выворачивающей нутро наизнанку. Наверное, я бы так и умерла в пустыне, став одним из барханов Махруса, но судьба вновь наградила меня парадоксальной «живучестью». Меня подобрала Анмарские торговцы душ. Отвезли в поселение, где были десятки таких же девочек и мальчиков в возрасте от восьми до восемнадцати лет. Уже в девять я узнала вторую и совсем не сказочную историю «Легенд Анмара» – нет никаких принцев, королей, добродетельных шейхов и храбрецов... а вот «рынок плоти» на ближнем Востоке имеется. Растет и процветает с каждым годом, и именно я стала одним из свежих кусков мяса, возложенных на алтарь этого маскарада бесчеловечности.

Это была неделя полная ужаса, страха, отчаянья, паники. Слушая рассказы девочек чуть постарше меня, я даже жалела, что не погибла в мечети. Меня, как и всех маленьких рабынь, ожидало страшное – аукцион, на котором моя душа и тело были бы проданы не самому приятному хозяину из любой точки земного шара. Детей, подростков, молодых девочек выставляли на продажу в клетках, словно загнанных в капкан животных для того, чтобы в дальнейшем содрать с них шкуру, разделать на мелкие кусочки или же подавать кислород со своей барской руки.

Самого страшного со мной не случилось и на ублюдков-торговцев нашлась управа – всех нас спас отряд ЦРУ, направленный в эту точку ради спасения украденных американских детей. Меня сразу приняли за американку – благодаря маме, я говорила на английском без акцента и довольно сильно отличалась от большинства девочек с черными, как смоль волосами и такими же темными глазами. Несмотря на то, что нас держали в омерзительном месте, где воняло сыростью и гнилью, мне удалось сохранить любимую книгу и печатку юноши в целости и сохранности – приходилось прятать их под шатающимся камнем в полу темницы, но я была готова любой ценой защитить дорогие сердцу реликвии. Прямоком из своего несостоявшегося рабства я попала в реабилитационный центр, оказавшись под прямым покровительством Ильдара Видада – очень разносторонней и противоречивой личности. Как человек, регулярно вкладывающий в благотворительность миллионы, Ильдар спонсировал центр «Надежда» и, черт его знает почему, сразу выделил меня среди других детей. Ильдар и привел меня к Мэтью, точнее приемного отца ко мне – они познакомились на одном из благотворительных вечеров, и, когда Ильдар узнал, что Доусон потерял сына и жену в аварии, рассказал обо мне. Мэтью говорит, что Ильдар всегда отзывался обо мне с горящими глазами и называл «особенной девочкой». Конечно, никакая я не особенная, просто Мэт, в одночасье став одиночкой, отчаянно нуждался в человеке, которому сможет отдавать свое тепло. Он нуждался в смысле жизни. Я нуждалась в опоре, поддержке и отце. Два разбитых сердца встретились, чтобы помочь друг другу исцелиться.

Чуть позже, папа взял из приюта и Лукаса – на построение отношений у агента ЦРУ времени нет, а он хотел сына, к тому же в Америке была волна крупной агитации усыновления детей из детских домов. Люку сейчас всего девять и порой он приносит много хлопот, но я счастлива, что и у меня появилась иллюзия «полноценной семьи», которую я потеряла. Именно эта иллюзия и помогла мне справиться с пережитым кошмаром и стать сильнее, нарастить непробиваемую броню, к которой не подпущу ни одного маньяка и террориста.

Да и мужчину... не подпущу больше, испытал горькое разочарование от прошлых отношений. Хотя, как я уже и заметила, этим слабакам никогда не сломать мою стену и не прикоснуться к моей душе. К Медине.

- Пап, ты же знаешь, я не люблю, когда меня отвлекают. Надо было позвонить, я бы поднялась, – укоризненно выдыхаю я, придиричиво оглядывая потрепанного отца: покрытая легким слоем копоти полицейская форма, (его официальный вид деятельности – лишь надежное прикрытие основной) взъерошенные волосы, между бровей залегли две глубокие перпендикулярные морщины, свидетельствующие о том, что последние сутки он провел не в лучшем расположении духа.

- Люк не видел, как ты сюда зашел? Хочешь, чтобы он рассекретил мини-штаб управления в девять лет? – с усмешкой добавляю я, вспоминая проделки Лукаса: в школе он ведет себя как мальчишка из фильма «трудный ребенок» – я порой посещаю родительские собрания, где мне постоянно рассказывают о многочисленных драках и проделках мелкого. Но я не могу на него долго злиться, и охотно верю ему, когда Люк убедительно врет мне о том, что никогда не является зачинщиком конфликтов.

- Эрика, – подавленным голосом вновь повторяет отец, игнорируя мой вопрос о Лукасе. Сердце мгновенно пропускает удар, душу охватывают волны дурного предчувствия. Внимательнее вглядываясь в уставшее лицо Мэтью, я вдруг понимаю, что в мой личный штаб он заглянул не просто так, а имея на то особо вескую причину. Он ведь даже не позвонил. Значит, случилось что-то, о чем не сообщают по телефону. Нервно сглатываю, отгоняя прочь беспокойные мысли о младшем брате. Неужели с ним что-то произошло?

- Мэтт, не томи! У тебя такое лицо, словно ты увидел призрака! – вспыхиваю я, не выдерживая его напряженного молчания. Это на него не похоже. Обычно он выдает информацию прямо и четко, не придавая ей эмоциональной окраски.

- Завтра это будет во всех сводках новостей, Рика, – стараясь не отводить взгляд, продолжает отец, и я прекрасно узнаю этот голос. Голос, которым говорят только о смерти. О смерти кого-то близкого, родного... нет.

- Не хотел, чтобы ты узнала об этом из новостей. Помнишь, убитую модель из твоего агентства Марьям Зидан три недели назад? Ты еще так хотела взяться за

это дело, и говорила, что знакома с девушкой... – от сердца немного отлегло, когда я понимаю, что речь не о Люке. Но случай с Марьям, которую я знала заочно, глубоко задел меня, что неудивительно. Не нужно обладать особым талантом, чтобы сложить дважды два – маску, расписать по телу в стиле мехенди и предположить нацеленность преступника на девушек с восточными корнями.

– Да, я настаивала на том, что это было убийство на религиозной основе, – уже тогда я озвучила отцу свою версию и высказала свои опасения по поводу того, что это будет серия. К сожалению, моя интуиция меня не обманула, судя по напряженному взгляду отца.

– Ты была права. Признаю, – сдаётся Мэтью, слегка опуская плечи, но от признания ошибок старших агентов мне сейчас совершенно не легче. Сердце беспощадным набатом бьётся о ребра, напряжение в воздухе нарастает, а у меня ладони потеют, пока я пытаюсь предположить, кто оказался следующей жертвой серийного убийцы.

– Нашли вторую девушку. К сожалению, Алиа Фарес, была уже мертва, – видимо отец думает, что этих слов мало, чтобы убить меня, повергнуть в дикий ужас, и раскладывает на ближайшем столе для оружия фотографии девушки, запечатленной в позе заснувшей прекрасной куклы среди мусора и отбросов. Ослепительно красивое, совершенное тело, излучающее сияние, неуместное среди гниющих помоев.

Дрожащими пальцами беру одну из жутких фотографий. Сделавший ее ублюдок точно больной на всю голову – на снимке Алиа в драгоценной, сковывающей лицо маске. Полные губы ярко и аккуратно накрашены, обнаженное тело, изогнутое в сложной позе, блестит переливами от хайлайтера и косметического масла. Убийца явно получал эстетическое удовольствие, когда раскладывал алмазы всех цветов и размеров на поверхности ее кожи и оставлял свою фирменную «подпись» – тонкую вязь аккуратных завитков вдоль ребер.

Меня мгновенно бросает в жар, фотография выпадает из рук, пока я медленно опускаюсь на стул, отчаянным жестом натянув на голову капюшон от спортивной мешковатой толстовки. Хочется закрыться в ванной, спрятаться. Хочется набрать номер Алиа и вновь услышать ее мелодичный и звонкий голос, незатейливые разговоры о шмотках и ее новых влюбленностях. Сейчас я послушала бы из ее уст что угодно, только бы она оказалась жива. У нас с Алией непростая история, наши судьбы отчасти похожи, поэтому какими бы разными

мы ни были, между нами существовала особая нить взаимного понимания и настоящей дружбы.

– Боже, почему она... и... я могла остановить это, если бы вы меня послушали, – тихо шепчу я, ощущая, как редкие слезы стальным комом собираются в горле. Но я не буду плакать, нет. Это я пообещала себе в девять лет, четко убедив себя в том, что самое страшное в жизни уже позади. Сильные девочки не плачут.

А я сильная, сильная, сильная...

– Дорогая, мне очень жаль. До определенного момента мы не имели права вмешиваться, этим занималась полиция, ФБР... но сейчас, ситуация кардинальным образом изменилась. В деле просматривается религиозный контекст. Убитые девушки – беженки из ближневосточных стран, работающие и проживающие на территории штата по грин-карте. Обе мусульманки, занимаются модельным бизнесом, что противоречит их вероисповеданию. В числе подозреваемых двое влиятельных бизнесменов из Анмара, которые имеют разрешение на работу в Америке, и гражданин Великобритании, так же проживающей в Нью-Йорке на временной основе. Сейчас очень важно не допустить международного конфликта и широкого резонанса. В деле замешаны очень влиятельные люди, Эрика, обладающие политическими связями с лидерами других стран.

– То, что действует религиозный фанатик, было очевидно сразу. Я говорила об этом! Из-за того, что к младшим агентам никто не прислушивается, я потеряла подругу! – я вспыхиваю, словно спичка, забрасывая отца осуждающими взглядами. Он ни в чем не виноват, но я хочу, чтобы он ушел, оставив меня наедине с мишенями. Вновь успокаиваюсь, обнимая себя руками, завернутыми в объемные рукава огромной толстовки, нуждаясь в поддержке и утешении... но нахожу его лишь в своих объятиях.

Со стороны может показаться, что я равнодушна к смерти подруги, но это не так. Я не плакала с девяти лет, и это не преувеличение. Потеря двух братьев, двух сестер и родителей – весомый повод для того, чтобы выплакать сразу все слезы, уготованные тебе на жизнь.

Боль в груди нарастает. Алия была не просто моей подругой. Она была девочкой, с которой мы познакомились в том месте, что я называю «рынок плоти». После

операции по спасению, мы потеряли контакт друг с другом, и лишь недавно нашли благодаря Ильдару, что поспособствовал мне в ее поисках. Я не так часто встречаю родственную душу, но Алия определённо была одной из них. И она не заслужила такой жуткой смерти. Мертвая красавица в куче мусора... я лично заставлю этого ублюдка сожрать горы отходов, прежде чем он окажется за решеткой. Пожизненно.

– Дорогая, мне трудно найти слова утешения... – нарушает угнетающее нас обоим молчание отец, пока я вспоминаю Алию и размышляю о том, как лично доберусь до маньяка. Еще никогда у меня не было такой сильной мотивации взяться за дело и довести его до конца.

– Рика, тебе стоит проявить осторожность, пока мы ведем расследование. Девушка с Ближнего востока. Я несказанно рад, что твоя экзотическая красота не так сильно бросается в глаза. И почаще ходи в очках – разрез твоих глаз все-таки выдает в тебе некоторые особенности.

Что он несет? Предлагает мне скрываться и носить темные очки, когда руки чешутся взяться за миссию и размазать по стенке убийцу подруги?

– Папа, ты должен поговорить со Стефаном, – четко обозначаю свою позицию я, имея в виду главу отдела, резко вставая со стула. Скрестив руки на груди, я не свожу с отца требовательного взгляда, и на этот раз не собираюсь сдаваться. – Он должен официально назначить меня на это дело. Иначе я начну свое личное расследование, и мне плевать на правила и регламент.

– Это слишком опасно, Рика, – нервно выдыхает отец, и в ответ я резко преодолеваю расстояние между нами.

– Ты сам завербовал меня в отдел, забыл? Девочка выросла, путевки в детские лагеря закончились, Мэтт! В тринадцать лет ты отправил меня в лагерь, и сам всегда хотел того, чтобы я стала агентом... так дай же мне шанс! Дай шанс сделать что-то действительно полезное. Я хочу полного ведения дела, до самого конца, – настаиваю я, не собираясь сдавать позиции.

– Она твоя подруга, это непрофессионально, – произносит Мэтью, нервно приглаживая свои растрепанные волосы.

– Признай, я как никто другой замотивирована найти этого долбаного психа! – твердо продолжаю я, прищутив веки. – Если бы вы меня послушали, она, возможно, была бы сейчас жива! Папа... пожалуйста, – по телу проходит болезненная дрожь. – Она была мне очень дорога.

– Хорошо, мисс Доусон, – официальным тоном проговаривает отец. – Но, никакого самостоятельного ведения, Рика. До конца – тоже не обещаю. На тебе пока будет тоже, что и обычно – сбор информации по подозреваемым. Никакой самодеятельности. Ясно? И это пока на словах. Но я поговорю со Стефаном, – кажется, папа вновь предлагает мне заняться привычной и незначительной ерундой, создать видимость серьезной деятельности, но мне уже все равно: главное, что я допущена до этого дела, иначе пришлось бы вступать вопреки регламенту. Что ж, я докажу этим «старичкам», что тоже чего-то стою, и постараюсь предотвратить новые жертвы... заглушая голоса в голове я, наконец, просто падаю в раскрытые объятия отца. Всего лишь на секунду пытаюсь ощутить свою слабость и уязвимость, но мгновенно блокирую это чувство – слишком сильно оно напоминает об объятиях с родным отцом.

Знаете, что отличает человека, пережившего потерю от счастливого, которому это горе не знакомо? Первый, обнимая родного человека, никак не может избавиться от навязчивой мысли, что любой разговор, любое прикосновение в один день могут оказаться последними.

Джейдан

Не люблю работать во второй половине дня над эскизами, требующими утреннего света – получается недостаточно достоверно. Игра света и тени слегка фальшивит, но, разумеется, несовершенство в законченной картине способен увидеть только я. Ну, и еще пара тройка истинных ценителей. Я начал писать «Беспечную шалунью» в пять утра по заготовленному накануне наброску. Натурщица позировала для меня не один раз, и я не вызвал девушку сегодня, решив, что содержащихся на холсте и в памяти деталей будет достаточно. Но, увы, не рассчитал свои силы.

Самым сложным элементом, на котором я застопорился стали не ее сочные губы или россыпь веснушек на носу (я не рисую лица, исключительно глаза), и не замысловатое родимое пятно в форме яблока над правой грудью, вдохновившее

меня на целую серию портретов. Проблемными оказались соски, которые в зависимости от настроения обладательницы неуловимо менялись: сам сосок, контур ореолы, крошечные пупырышки на ней и даже кожа вокруг, ее цвет, упругость.

Вчера мы с моей «музой» оба были вымотаны после клубной тусовки, и когда уставшая, не совсем трезвая красавица начала позировать, то все ее мысли витали вокруг мягкой подушки и одеяла. А мне необходим, мягко говоря, абсолютно другой настрой. «Беспечная шалунья» на портрете не должна засыпать от усталости. Немного белого порошка помогли девушке раскрыть тайные энергетические запасы, но потратили мы их не по назначению. Неплохо, но не скажу, что я сильно впечатлен, видал девчонок и погорячее. Опыт явно есть, но мастерства и желания участвовать, а не просто лежать и позволять себя трахать – в острой нехватке. Девушка ушла от меня совершенно вымотанная, но очень жаждала продолжить утром. В итоге пришлось корректно отказать и объяснить свою четкую позицию в отношении с женщинами, а конкретно, натурщицами, за что схлопотал по физиономии и выслушал немало неллицеприятных эпитетов в свой адрес.

Есть одно, независящее от меня правило. Многие модели, работающие со мной, не могут его принять без истерик – я не пишу портреты женщин, которых трахнул. Почему? Сам не знаю. Что-то меняется, я теряю особое видение, желание погружаться, изучать. Как говаривал гениальный и многосторонний в своем творчестве Пикассо: «Если хочешь сохранить глянец на крыльях бабочки, не касайся их». И я с ним абсолютно солидарен.

В общем, поработав с натурщицей нижней головой, той, что на плечах воспринимать ее, как объект для изучения и вдохновения, перестаяю. Причем мгновенно. «Беспечную шалунью» надо закончить, несмотря на угасший настрой. Я пишу портрет с эскиза, а не с голой модели, и на картину уже есть заказчик, который, как в пошлом кино, является постоянным любовником натурщицы. Причем, он не самый последний человек в городе, и так просто его не пошлешь вместе с распутной «Шалуньей». Так что мое раздражение и медлительность объяснимы вполне объективными причинами. Ненавижу творить по заказу, но иногда нет выбора, и я позволяю творчеству превратиться в бизнес.

Сделав шаг назад, критично рассматриваю завершённую, за исключением мелких нюансов работу. Судя по тому, как падает свет на холст, сейчас время

уверенно движется к трем часам дня. Обычно я стараюсь закончить за один сеанс, иначе есть вероятность неравномерного наложения тонов. Разумеется, все недочеты редактируются, но я не люблю тратить впустую свое время, не люблю откладывать на завтра и копить ворох незаконченных холстов. Осталась буквально самая малость.

Разведенная краска дрожит в палитре от громких басов Insomnium, сотрясающей стены небольшой квартиры-студии. Я не всегда слушаю тяжелый металл, но, когда необходимо сосредоточиться и выбросить посторонние мысли из головы, яростные вопли исполнителей и оглушительные биты подходят идеально. Сейчас тот самый случай.

Несколько точных легких движений и заострённый конец мастихина убирает лишний сгусток краски с холста. Бросив инструмент на подставку, беру тонкую кисть и короткими осторожными мазками делаю финальные штрихи, и отхожу в сторону, оценивающе скользнув придирчивым дотошным взглядом по Шалунье. Предпочитаю фон помрачнее, но так как декорации выбрал заказчик, приходится выполнять пожелания клиента. И соски получились идеальными, покрасневшими и припухшими от ночных игр. Удовлетворенная усмешка кривит губы.

– Провокационно и очень откровенно, – неожиданно озвучивает мои мысли незнакомый женский голос во внезапно-повисшей тишине. Бросив кисть в банку с растворителем, и вытирая руки об испачканную тряпку, я резко поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нарушительницу моего уединения. Ко мне редко вторгаются без приглашения и уж точно не позволяют себе хозяйничать и выключать СД-проигрыватель.

Первыми я замечаю туфли. Вероятно, Луи Виттон, но не уверен. Классические стильные лодочки на высоком каблуке из мягкой черной кожи. Хороший выбор. Эффектно и достаточно удобно. Постепенно мой взгляд подмечает все остальные немаловажные детали, запоминая, комбинируя, проводя краткий анализ. Имеет значение любая мелочь. Цвет, длина, количество пуговиц, аксессуары, наличие нижнего белья, украшения. То, как одевается и двигается женщина, говорит о ней гораздо больше, чем лицо и голос и даже то, что она думает о себе сама.

Прислонившись плечом к стене, длинноногая брюнетка в прозрачной кремовой блузке и узкой юбке с высокой талией не менее вызывающе и довольно

фривольно рассматривает меня большими глазами карамельного оттенка. Пуговицы на вороте расстёгнуты до самой ложбинки, демонстрируя упругие холмики, заключенные в кружевной бюстгальтер знаменитой марки женского белья. Темные ухоженные волосы блестящими прямыми локонами ложатся до середины спины. Разделены на пробор и убраны за уши, но одна прядь непослушно выбивается, или же незнакомка оставила ее намеренно. Никаких драгоценностей на шее, однако в ушах благородно сверкают тяжелые серьги из белого золота с вкраплениями бриллиантов. На запястье коллекционные часы. Наверняка, именные. Сумочка из кожи крокодила довершает дорогой и изысканный образ. Прищурившись, я пытаюсь зрительно определить возраст. Думаю, не больше двадцати девяти лет, но не профи даст ей двадцать три, двадцать пять максимум. Ее выдает взгляд, едва заметные гусиные лапки вокруг глаз и чрезмерная уверенность, не позёрство и попытка привлечь внимание, а именно осознанное самолюбование, у которого есть причины. Итак, мы почти знакомы. Девушка обладает хорошим вкусом, самодостаточна, обеспечена и не экономит на своей внешности, сексуально-раскована, и она не модель, и не манекенщица, и точно не одна из девочек Маркуса Флеминга, которых тот поставляет мне с настойчивой регулярностью. Особенно в преддверии моей, можно сказать первой, профессиональной выставки.

– Что думаете? – игнорируя стандартный набор вопросов, киваю в сторону законченного полотна, убирая заляпанную тряпку в карман хлопковых штанов.

Явно ожидая чего-то другого, незнакомка снова проходится по мне оценивающим взглядом, не упуская ни одной детали. Примерно представляю, что она видит. Небрежно повязанная вокруг головы бандана, включенные волосы, местами покрытые краской, футболка с вытянутым воротом, на которой отпечатались все палитры цветов, с которыми я сегодня работал, босые ноги и более-менее приличные домашние брюки. Фокус внимания брюнетки постепенно переключается на картину и, процокав каблучками по ламинату, девушка останавливается возле мольберта, позволяя мне рассмотреть округлую и выступающую во всех необходимых местах задницу. Никакого намека на нижнее белье. Воображение мгновенно рисует возможные позы и комбинации... Нет, не те, в которых я трахаю эту потрясающе сочную попку, а позы – идеально подходящие для портрета, если бы она вдруг захотела, чтобы я ее написал. А все, что связано с задницей и моим ожившим в штанах членом произойдет только после того, как высохнут краски на готовой картине.

– Она вульгарна, – слишком быстро делает вывод незнакомка, склонив голову на бок, и не сводя взгляда с «Шалуньи». Модель запечатлена в сексуальной раскрепощенной позе. Оседлав подоконник, абсолютно обнаженная блондинка, сладострастно прогнув спину, бесстыдно выставляет напоказ грудь правильной формы. Ноги опущены вниз, колени неприлично раздвинуты, голова запрокинута и развернута в сторону художника, белокурые локоны почти полностью закрывают лицо и создают подобие нимба, что не вяжется с общей провокационной концепцией портрета. Подсвеченные лучами солнца, серебристые волосы сверкают, отвлекая внимание от задорно вздёрнутых сосков и тонкой талии. Одна ладонь небрежно расположена чуть выше гладкого лобка, а кончики пальцев другой руки, изображенной на портрете блондинки, тянутся к ступне, при этом смещая бедро и закрывая промежность, что спасает работу от ухода в художественное порно. Несмотря на вызывающую откровенность, я не разделяю мнения незнакомки. Моя модель – балерина, и то, как она изогнулась, позируя мне несколько часов кряду, способна повторить далеко не каждая. Сияние в ее волосах, как символ причастности к искусству, но, разумеется, порочная составляющая побеждает, выходя на первый план и бросаясь в глаза. И именно это видит моя неизвестная гостья, глядя на холст.

– Хотя, знаете, в ней что-то есть, – добавляет брюнетка, складывая руки на груди. – Она естественная, живая, как на фотографии. Если бы я не стояла так близко, то не рассмотрела бы мазки. Наверное, подобного эффекта очень сложно добиться? Вы используете фотопечать?

– Нет, работаю только с натуры, – быстро отвечаю я, отрицательно качнув головой.

– Почему? – красивые естественной формы брови приподнимаются в удивлении. – Нет ничего зазорного, чтобы пользоваться современными технологиями.

– Кто видит человеческое лицо правильно: фотограф, зеркало или художник? Этим вопросом задавался Пикассо, – раздвигаю губы в широкой улыбке, позволяя любопытной леди попасть под мое обаяние.

– У вас наверняка нет ответа, – она выразительно скользит взглядом по стоящим вдоль стен полотнам с изображениями стройных обнажённых красавиц, искушающих своими совершенными телами; иногда шокирующих или вгоняющих в краску. Некоторые из них взывают недоумение или неприятие, но объединяет

все работы один отличительный признак – лица девушек скрыты волосами либо чем-то еще, или же попросту размыты.

– Вы же не рисуете лица, – посмотрев мне в глаза, заявляет гостья.

– Я пишу, моя дорогая, – снисходительно улыбаюсь я. – Рисуют дети.

– Любите Пикассо? Разве не ему принадлежат слова: «Каждый ребенок – художник. Трудность в том, чтобы остаться художником, выйдя из детского возраста» – она явно довольна собой, судя по триумфальной улыбке, сопровождающей цитату гения.

– Разбираетесь в живописи и художниках? – нахмурившись, интересуюсь я, присматриваясь к брюнетке более внимательно. Разрывая зрительный контакт, девушка снова смотрит на картину, а я на ее красивый профиль, слегка сморщенный носик и поджатые губы, покрытые розовым перламутром.

– Здесь невозможно дышать. Как вы работаете? – втянув воздух тонкими ноздрями, жалуется гостья. Распространенный вопрос. На самом деле, я давно привык к запаху краски и растворителя. Невозмутимо пожав плечами, направляюсь к окну, на подоконнике которого и позировала мне Шалунья, распахиваю его, постоянно ощущая на себе изучающий взгляд карамельных глаз. А когда снова поворачиваюсь, брюнетка переводит его на смятую постель, расположенную в небольшой нише и остатки вчерашнего пиршества на прикроватной тумбочке, включающие в себя не только пустые бутылки, бокалы, но и специальные трубочки и дощечки для кокаиновых дорожек.

Когда наши с незваной гостьей взгляды встречаются, то я ощущаю резкий градус охлаждения, исходящий от нее. Мне плевать. Я не собираюсь оправдываться.

– Наверное, пришло время представиться, – деловито начинает она, протягивая мне руку. – Сальма Рами, я репортёр из Нью-Йоркского отделения Art Newspaper. Интервью было назначено на три часа.

Черт, журналист. Этого только не хватало. Пытаюсь припомнить звонил ли мне кто-то насчет интервью. Нет, точно нет, я бы не забыл. Скорее всего, мисс Рами договаривалась с Маркусом, а тот не соизволил мне сообщить. И главное, не

выставишь ее теперь.

- Как вы вошли, мисс Рами? - прищурившись, спрашиваю я.

- Дверь была не заперта. Я несколько раз звонила, но музыка гремела так, что прохожие на улице глохли. Соседи случайно на вас не жалуются?

- Что? - сдернув перекрученную бандану с волос, и запуская пальцы в отросшую за последние полгода шевелюру, рассеяно спрашиваю я.

- Соседи не жалуются?

- Нет, я их не видел.

- Как это? - открыв рот, изумлённо выдыхает Сальма Рами.

- Комплекс новый. Не все квартиры еще распроданы, - поясняю отстранённым голосом, мучительно размышляя над тем, куда же посадить очаровательную журналистку. Стулья завалены закупленными накануне коробками с масляными красками и инвентарем. Пополнил запасы впрок, так сказать. После выставки заказы посыплются один за другим. Творческий беспорядок для квартиры-студии и по совместительству мастерской - повседневная норма. Но куда же, черт возьми, мне ее посадить? Не на постель же со следами вчерашнего грехопадения балерины с солнечным нимбом ее сажать? Жутко представить, что мисс Рами напишет потом обо мне в своей газетной колонке. Чёрт, я же неоднократно говорил Маркусу, что не хочу никакой шумихи и никакой прессы.

- Вы здесь живёте, мистер Престон? - похоже, интервью уже пишется. Киваю, раздраженно стиснув зубы. Скинув со стула пакеты и коробки, стелю сверху портьерную ткань, сдернутую с одной из картин, и, поставив его в центр комнаты, предлагаю мисс Рами присесть. Сам отхожу к окну, облакачиваясь на пресловутый подоконник, увековеченный в портрете Шалуны.

- Я так понимаю, что предложения кофе или чая не будет? - с сарказмом спрашивает Сальма, опускаясь на стул, положив сумку на колени, и закидывая ногу на ногу.

– Это обязательная часть интервью? – в тон ей парирую я, скользнув взглядом в ложбинку между грудями. Уверенный С или даже D или просто много пушапа? Заметив, куда я так настойчиво пялюсь, мисс Рами застёгивает нижнюю пуговку. Интересно, что охладило ее первоначальный интерес? Смятая кровать или дощечки для кокса?

– Нет. Просто спросила, – натянуто улыбается Сальма. – Так понимаю, вежливость это не про вас.

– У меня нет кофе. Я покупаю его на вынос в кофейне за углом. Но могу предложить виски.

– Спасибо, но воздержусь, – отрицательно качнув головой, она открывает сумочку и извлекает оттуда диктофон и небольшой полароид. – Я сделаю несколько кадров? Может, хотите переодеться? – окинув меня критичным взглядом, интересуется журналистка.

– Никаких фото, – резко отвечаю я.

– Мое время ограничено, но я готова подождать, если вам нужно привести себя в порядок.

– Никаких фото, – повторяю категорично. Недовольно сдвинув брови, она какое-то время с недоумением смотрит мне в глаза и, сдавшись, убирает камеру обратно.

– Как скажете, – девушка явно недовольна моей несговорчивостью. – Это скромность, отсутствие тщеславия или особый пунктик?

– Понимайте, как хотите, – небрежно пожимаю плечами. – Можно я задам вырос, прежде чем начнем?

– Конечно.

– Чем обязан честью?

– Вы про интервью? – на всякий случай уточняет Сальма и, дождавшись моего кивка, дает неоднозначный ответ. – Все просто. Art Newspaper рассказывает читателям о предстоящих событиях в области искусства.

– В галерее будут выставлены не только мои полотна, – настаиваю я, не сводя с непроницаемого лица девушки пристального взгляда, улавливающего малейшую эмоцию.

– Об остальных участниках я писала раньше, к тому же вы новое лицо в художественной сфере. Ваши работы уже вызвали некоторый ажиотаж в узких кругах. Разве вы не заинтересованы в расширении почитателей вашего таланта?

– Владелец галереи не предупредил меня об интервью, – объясняю я причину своих вопросов.

– Вы бы подготовились? Закупили бы кофе, побрились и надели чистую одежду? – с сомнением спрашивает Сальма, в глазах появляются смешинки, улыбка смягчается.

– Сомневаюсь, – ухмыляюсь я. – Валяйте. Задавайте свои вопросы, мисс Рами.

– У меня есть заготовленный список, но я пока его отложу, – задумчиво произносит журналистка, изящно откидываясь на спинку стула, и стреляя в меня темным внимательным взглядом. – Мне кажется, что стандартный подход не совсем уместен в данном случае. Давайте, вы просто расскажете о себе, а потом мы перейдем к вопросам.

– Что именно?

– Самое основное. Кратко. То, что должны знать потенциальные покупатели ваших картин о вас, как о художнике, творце и человеке, – поясняет она.

– Хорошо. Без проблем, – скрестив руки на груди, непринуждённо соглашаюсь я. – Итак, что вам нужно обо мне знать? – приподняв бровь, посылаю мисс Рами чувственную улыбку. Она вопросительно хмурится, не показывая смущения, однако я замечаю на точеных скулах розовые пятна. – Меня зовут Джейдан Престон. Мне двадцать семь лет. Родился и вырос в Норфолке, штат

Вирджиния. Там же закончил школу и художественный колледж, после получил диплом магистра в области искусства и гуманитарных наук в университете Старого Доминиона...

– А как насчет семьи? Отец, мать? У вас нетипичная для американца внешность, – обрывает меня Сальма, покачивая стройной ножкой в изящной туфельке. Я однозначно без ума от ее ног. Точеные щиколотки, очерченные мышцы и, уверен, идеальная под тонким нейлоном чулок кожа.

– Я сирота, – бесстрастно сообщаю я, продолжая пялиться на ноги соблазнительного интервьюера. – Воспитывался в приюте с пяти лет. Мать – латиноамериканка, погибла на рабочем месте. Несчастный случай. Отец – ливиец. Они не были женаты, я никогда его не видел.

– Простите, вы не обязаны были отвечать, – опустив ресницы, тихо говорит мисс Рами.

– Ничего страшного. Надеюсь, что данная информация поможет почитателям моего таланта стать постоянными покупателями картин? – с сарказмом спрашиваю я. В глазах Сальмы вспыхивает раздражение.

– Я извинилась.

– Принимаю. Следующий вопрос, – сухо произношу я.

– Вы где-то выставлялись до этого?

– Нет. Никогда. Маркус – первый, кому удалось убедить меня рискнуть.

– Чем вы занимались после того, как закончили университет?

– Я свободный художник. Путешествовал. Объездил много стран, – кратко и лаконично отвечаю я.

– Снова заранее извиняюсь, но вопрос вполне логичен. Чем зарабатывали на жизнь, пока путешествовали?

- Писал портреты, карикатуры. На улице или на заказ.

- Вы давно в Америке?

- Да. Но конкретно в Нью-Йорке полгода. На самом деле это внушительный для моего кочевого образа жизни срок, - сдержанно поясняю я, придавая интервью доверительный тон.

- Не планируете уезжать? - ожидаемый вопрос. Отрицательно качаю головой.

- Нет.

- Почему? - какая настырная крошка. Вздохнув, я даю максимально развёрнутый ответ.

- Решил пока осесть, осмотреться, понаблюдать, как пройдет выставка. Мне нравится Нью-Йорк, мисс Рами. Город больших возможностей, в котором одинаково просто потеряться или найти себя.

- Вы ищите себя, мистер Престон? - продолжает знаток провокационных вопросов.

- Я ничего не ищу. Вообще, не склонен к самоанализу. Как только начну копать в себе, желание к творчеству отпадет, - абсолютно искренне говорю я. - Логика и разум - враги искусства.

- А как же смысл? - убирая за ухо непокорный локон, любопытствует мисс Рами. - В любом произведении: будь то книга, поэма, картина, или даже фотография должна содержаться какая-то идея, заложенная автором.

- Выгляните в окно. Мир давно утратил всякий смысл, мисс Рами. Зачем нам гнаться за ним? - потирая бровь, иронично спрашиваю я.

- Итак, почему - глаза?

- У меня нет ответа. Разве вы можете объяснить себе, почему иногда видите во сне клубнику?

– Наверное, потому что хочу ее съесть, – улыбается Сальма, накручивая все ту же прядь на палец.

– Думаете, я хочу съесть глаза? – искренне смеюсь я.

– Перестаньте, вы знаете, что имею в виду, – в очередной раз, изменив свое ко мне отношение, мисс Рами почти дружелюбно улыбается, – Я понимаю, что вы держите интригу. Но это как раз то, что отличает вас от остальных художников. Я взяла на себя смелость и запросила у Маркуса каталог с вашими работами. Они... хмм... достаточно необычны. Могу сказать, что портретная живопись в вашем исполнении впечатляет. Девушки без лиц получают на удивление мощными энергетически. На некоторых портретах лица отсутствуют полностью, но гораздо сильнее затрагивают другие полотна, где изображены модели с тщательно прорисованными глазами, чистого лазурного оттенка. Они кажутся неправильными, неподходящими смазанному овалу лица, на котором изображены. Создается впечатление отрезанности, неорганичности. Они похожи, узнаваемы на каждом холсте, словно написаны под копирку. Удивительно реальные, живые и в то же время совершенно ненастоящие, вызывающие необъяснимые мистические переживания и мурашки на коже, внушающие трепет, как глаза Будды, изображённые на буддистских храмах.

Выдохнувшись, Сальма замолкает, пытаюсь подобрать слова и продолжить формулировать вопрос, который в итоге вылился в довольно длительный монолог. Но ее концепция видения моих работ не может не импонировать.

– Так почему все-таки глаза? – улыбнувшись, повторяет вопрос мисс Рами.

Не могу ответить даже самому себе. Понятия не имею. Словно неосознанная одержимость овладевает мной каждый раз, когда я вижу модель, кажущуюся идеально подходящей, вдохновляющей и возбуждающей; с энтузиазмом начинаю писать ее портрет, уверенный, что наконец смогу собрать лицо, которое ищу, но моя уверенность и увлечённость рушится, когда работа подходит к концу.

– В каталоге я видела картины, где изображены только глаза крупным планом. Возможно, причина в том, что они принадлежат близкому вам человеку?

- Нет, - даю уверенный и быстрый ответ.

- Значит, вы ищите совершенство, идеальное лицо для идеальных глаз или идеальную девушку? - перечисляет свои предположения Сальма. Я иронично улыбаюсь. Как ни странно, но она частично права.

- Совершенство и идеалы - это клише, мисс Рами. Никогда еще совершенство не вдохновляло творца на созидание. Если бы наш мир был идеален, то мы бы с вами никогда не появились. Человек - самое несовершенное, изменчивое и безжалостное существо на планете.

- Никогда не спорю с позицией художника, - произносит Сальма, давая понять, что не согласна со мной. - У вас есть Муза?

- Каждая из них написана на моих полотнах.

- А постоянная? Вопрос в тему личной жизни.

- Для вас или для читателей? - скептически ухмыляюсь. - Я отвечу на доступном и простом языке. Если бы у меня была страница в соц. сетях, то в графе статус я бы написал: нахожусь в одноразовом поиске.

- Вам двадцать семь лет, неужели никогда не хотелось завести постоянную музу?

- Заводят собак, кошек и рыбок. Кто-то заводит питонов и шиншилл. Существуют и те, кто заводит людей, с этим сложно поспорить. Я же предпочитаю свободный и взаимовыгодный тип отношений.

Она какое-то время молчит, прощупывая меня изучающим взглядом, выискивая намёк на неискренность.

- Что вас вдохновляет, помимо одноразовых Муз? - продолжает Сальма.

- Люди. Новые лица и города, - перечисляю я, скользнув взглядом по развешенным на стенах студии копиям картин великих художников, затронувших меня лично. - Удивительные сочетания красоты и уродства, блеска

и нищеты; и, конечно, эмоции и чувства. Такие, как страсть, боль, желание, скорбь, одержимость, похоть, распушенность. Многие очень ярко и насыщенно проживают свою жизнь, а я тот, кто пишет, ловит момент, мгновение и сохраняет его.

- А как насчет работ с явно доминирующим контекстом. Связанные запястья, кожаные ремни?

- Вы неправильно трактуете, мисс Рами. Портреты, о которых идет речь, показывают уязвимость женщины, ее сексуальность и... могущество.

- В чем же оно? - скептически интересуется Сальма, прикусывая нижнюю губку.

- В век свободных самоуверенных женщин слабость и уязвимость стали огромной редкостью, я лишь иду навстречу спросу, - невозмутимо поясню я свою позицию.

- А я считаю это завуалированной популяризацией садизма. Безликие, связанные, голые женщины, в моем понимании, не сочетаются с могуществом. Вы обнажаете их, скрывая лицо, желая обладать ими единолично? Это ли не есть доминирующая позиция?

- Людям свойственно находить порок, разврат и несовершенства даже в святыне. Искусство остро подчеркивает то, кем мы являемся на самом деле. Прекрасное и отвратительное имеет очень тонкую грань, запечатлеть которую дано не каждому, единицам, избранным. Именно потому, как мы смотрим и понимаем те или иные произведения, стихи, картины, музыку, можно судить о нас самих. Творец открывает нам душу, но если мы пусты, то не видим в ней ничего, кроме грязи. Наши мысли и восприятие - это отражение той мерзости, что каждый носит внутри.

- Bravo, вы еще и философ. Я заинтригована. Извиняюсь за неудобные вопросы, но я так работаю. У каждого свои методы.

- Бесспорно, - не могу не согласиться. - Итак, у вас все? Или позвольте мне написать ваш портрет?

– Что? Мой? Нет, – слишком активно отзывается Сальма. – Уверена, что в Elite найдется огромное количество желающих позировать молодому и многообещающему сексуальному фотографу.

– Вы на удивление осведомлены, – сухо констатирую я, пропустив мимо ушей комплимент.

– Я сама когда-то работала в этом модельном агентстве, – Сальма отводит взгляд в сторону, потом отпускает вниз. До побелевших костяшек сжимает диктофон. – Я родом из Сирии, пришлось бежать сюда, когда начались военные действия. Уже здесь я познакомилась с Ильдаром Видадом, директором Elite. Он мне помог в очень трудный жизненный момент.

– Так почему же ушли? Мало платил? – спрашиваю я, удивленный неожиданной откровенностью. Или возвращает долг за то, что я ей рассказал о семье?

– Достаточно платил, – резко отзывается она, закрывая тему Ильдара. – Просто пришло время. Как вы недавно выразились – осесть, а не прыгать по бесконечным фотосессиям и вечеринкам. Год назад я сменила профессию модели на журналистику. Но связи с девушками остались. А можно еще вопрос?

– Если согласитесь позировать, то я отвечу на любые, которые придут в голову, – с лукавой улыбкой обещаю я.

– Что вы думаете об убийствах девушек? Вы же знали их, да? Я знаю, что в выставке участвует портрет Марьям.

– Сальма, – сдержанно начинаю я. – ФБР меня опросило, как и всех, кто имел контакт с убитыми. Я не хочу снова касаться данной темы. Молодые и красивые фотомодели убиты – ужасная трагедия. Я сочувствую их семьям.

– У них нет семей, – закусив губу, Сальма расправляет на юбке несуществующие складки. – Все они беженки, такие же, как я. Кто бы ни был убийца, он это знает.

– Вы боитесь? – мягко спрашиваю я, хорошо понимая причину ее страха.

– Думаю, что весь Нью-Йорк боится. Серийные маньяки всегда внушают ужас. Вы видели эти снимки? Что думаете?

– Вам не понравится ответ, – качаю головой, встречая ее встревоженный настойчивый взгляд.

– И все же?

– Убийца талантлив, обладает тонким художественным вкусом, нестандартным видением и пониманием того, что он делает, и зачем он это делает, – бесстрастно перечисляю я.

– Думаете «Ядовитый любовник» не остановится? – неосознанным жестом теребя серёжку, напряженно спрашивает мисс Рами.

– Нет, – качаю головой. – Для него убийство стало искусством. Попробуйте забрать у меня кисть, и я начну писать кровью.

– Вы сумасшедший, – нервно смеётся Сальма. – О ваших странностях уже слагают легенды.

– Создайте собственную. Всего несколько часов, – с облегчением перехожу к более приятной теме. – Больше не понадобится. Я найду для вас лучшую шляпу из всех, что есть. Только представьте: сотни людей будут любоваться вами, не подозревая, кто изображен на портрете на самом деле. – Решайте сейчас. Завтра придет другая девушка, и это ее портрет будет украшать стены галереи, приковывая к себе взоры многочисленных ценителей искусства.

– А вы искуситель! – Фыркает Сальма, явно сдаваясь. – Что я должна сделать?

– Раздеться, – брови девушки изумленно ползут вверх, щеки заметно алеют.

– Совсем?

– Вы же бывшая модель? К чему лишняя скромность? – невозмутимо спрашиваю я, разглядывая мисс Рами. – Оставьте только туфли. И садитесь на стул.

И Сальма внимает моим словам и «отбрасывает лишнюю скромность» вместе с одеждой. Ее янтарные глаза вызывающе смотрят в мои, губы приоткрыты в чувственной улыбке. Последний элемент, прикрывающий наготу, падает к обутым ногам, и грациозно перешагнув через него, она присаживается на край стула.

– Надеюсь, портьера достаточно чистая? – с ухмылкой уточняет девушка. Если бы я знал. Я детально разглядываю ее тело. Уверен, что ни один художник не смотрел на нее так. Она смущена, но пытается выглядеть смелой. Ситуация не совсем стандартная. Мисс Рами пришла брать интервью у неизвестного художника, а в итоге оказалась голышом на стуле. Так что ее дискомфорт и неловкость уместны.

– Расслабься, у тебя потрясающее тело, но ты и сама об этом знаешь, – мягко, почти ласково улыбаюсь я. – Сядь боком, а корпус поверни ко мне. Покажи свою красивую грудь. Позволь мне насладиться зрелищем. – Приободрившись, Сальма с большей уверенностью следует моим указаниям. – А теперь согни правую ногу в колене и приподними, спину старайся держать прямой, – девушка сдавленно смеется. – Божественно, Сальма. Возьмись левой ладонью за правое колено и удерживай его. Пятка должна свисать. Постарайся не потерять туфли.

– Как насчет лица? Мне как-то прикрыть его волосами?

– Минутку. Замри сейчас... Отлично. Как долго сможешь продержаться?

– Полчаса, думаю, смогу, – задумчиво отвечает она.

– Умница. Ты восхитительна, – оторвавшись от подоконника, я направляюсь к небольшому покрытому пылью шкафу. Открыв, отодвигаю ящики с аксессуарами. Подходящий головной убор у меня только один. Широкополая фетровая черная шляпа. Не самая изысканная модель, но сойдет за неимением лучшего, как говорится.

Вернувшись к девушке, я молчаливо встаю перед ней, осторожно надеваю головной убор и аккуратно расправляю волосы по плечам. Сальма вздрагивает и задерживает дыхание, когда кончики моих пальцев дотрагиваются до ее кожи. Прежде чем скрыть пылающее лицо за широкими полями, мы ненадолго встречаемся взглядами. Я касаюсь ее щеки, провожу большим пальцем по губам,

приоткрывая их, неглубоко толкаю внутрь и, смочив слюной, веду ладонью вниз, вдоль тела, оставляя влажные следы и табун мурашек. Она шумно втягивает воздух, когда я зажимаю двумя пальцами ее мгновенно затвердевшие соски.

- Что ты делаешь? - растеряно шепчет мисс Рами.

- Ты должна выглядеть возбужденной и сексуальной, Сальма, источать соблазн, искушение, - чувственным голосом говорю я, переключаясь на другую грудь и проделывая с ней тоже самой. Девушка вздыхает и сжимает бедра. - Нет, не сдерживай. Позволь этому вырваться, - хрипло прошу я. Дотрагиваюсь до ее колена, медленным, но уверенным движением, и спускаюсь по внутренней стороне бедра прямо к сосредоточию ее женственности.

- С ума сойти, - бормочет девушка, задыхаясь. Пальцами раскрываю нежные влажные створки, неторопливо лаская разбухший клитор. Пробормотав что-то невразумительное, она расслабляет ноги, слегка расставляя колени, но удерживая позу, в которой ее увидят тысячи, а, может, и миллионы. И, когда с ее губ срывается первый стон, я отстраняюсь, резко убираю руку, разворачиваюсь и иду к мольберту. Я торопливо снимаю готовый портрет и приступаю к подготовке чистого, девственно-белого. Есть нечто чувственное в этом моменте, неповторимое. Безупречный белый цвет скоро будет скрыт под уверенными насыщенными мазками. Я верю, что вселенная создавалась точно также - с чистого холста. Пока я обустроиваю рабочее место, Сальма не сводит с меня поплывшего, туманного взгляда, обескураженного и немного разочарованного внезапной остановкой.

- Опусть голову, - прошу я, закончив. Она беспрекословно выполняет. Идеальная модель. Не знаю, как она пишет статьи, но позирует изумительно. Теперь все готово. Взяв в правую руку карандаш, я приступаю к эскизу. Быстрыми, точными штрихами фиксирую каждый изгиб стройного тела Сальмы Рами, стараясь не упустить ни малейшей детали. С дотошной точностью переношу на холст родинки, мелкие шрамы, полученные в детстве, след от пореза на правом бедре, выступающие мышцы ног и рук, прочерченный пресс, пирсинг в пупке и влажный блеск от испарины на хрупких плечах. Обладая большим опытом, я работаю быстро, профессионально, но Сальма не выдерживает заявленные полчаса, начиная ерзать гораздо раньше.

- Три минуты, и я тебя отпущу, - обещаю, и справляюсь за две. - Готово. Теперь можешь расслабиться.

– Фух, – с облегчением выдыхает девушка, отпускает затёкшую от напряжения ногу и поворачивается ко мне.

– Можешь одеваться, – убирая в ящик принадлежности, сообщаю я. Подняв голову, встречаю недоумевающий взгляд. – Я сделал только эскиз, – поясняю терпеливо. – Мы продолжим в другой день, когда у тебя появится время.

– Я могу посмотреть? – любопытствует Сальма, наклоняясь, чтобы поднять свои кружевные крошечные трусики. Ну, что я могу сказать? Без них она мне нравится больше. Я давно уже заметил, что вместе с одеждой женщина одевает самоуверенность и независимость. Только голая душой и телом девушка говорит правду и подчиняется.

– Ты увидишь, когда работа будет закончена, – безапелляционно сообщаю я и накрываю мольберт белой тканью. В карамельных глазах все еще мерцает ожидание, но, к сожалению, и моему дискомфорту, оно не будет оправдано. – Сообщишь, когда будешь готова продолжить.

– Я могу идти? – изумленно спрашивает девушка. Я коротко киваю, не двигаясь с места. Поджав губы, мисс Рами нервно одевается, не глядя на меня.

– Я вряд ли выкрою время до выставки, – после непродолжительного напряженного молчания, резко говорит она, застёгивая блузку.

– Мы можем пойти на мероприятие вместе, – предлагаю я, невозмутимо улыбаясь. – И после закончим вечер здесь.

– Это приглашение? – закидывая на плечо ремешок от сумочки и поправляя волосы, Сальма вопросительно смотрит мне в глаза.

– Да. Если, конечно, ты свободна.

– Я согласна, – очень быстро отвечает девушка.

– У меня есть одно условие, – сообщаю небрежным тоном. Она возмущенно фыркает.

– Что?

– Если выполнишь, то картина твоя. Бесплатно. Получишь ее сразу после следующей выставки, какую бы цену мне за нее не предложили, – вкрадчиво озвучиваю преимущества сделки.

– И что за условие? – задумавшись над моим предложением, спрашивает Сальма.

– Мое интервью не выйдет в печать.

Она хмурится, бросив беглый взгляд на часы. Уверен, что отведённое на интервью время давно закончилось.

– И что я скажу редактору?

– Художник был пьян и не открыл дверь, – ухмыляюсь я. Кстати, вариант вполне правдоподобен.

– Почему?

– Придумай причину. Ты же умная, а запись сотри сейчас. При мне.

И мисс Рами действительно удаляет запись или только делает вид, но, когда она через пару минут покидает мою квартиру, я на всякий случай совершаю страховочный звонок:

– Сальма Рами, репортер Art Newspaper. Интервью с Джейдоном Престоном, – сухо произношу и сбрасываю вызов.

Глава 3

«Предчувствую это. Будет страсть и неистовство.

Ревность. Отчаянье. Горечь. Что-то во мне погибнет. В нем тоже».

Джону Фаулз «Коллекционер»

Рика

– «Твоим координатором и консультантом по восточной культуре будет Зейн Хассан», – передразниваю деловой и превосходствующий тон голоса Стефана Смита, который всегда разговаривает с младшими агентами, как с бесправными идиотами или его личными гончими, вынужденными безропотно подчиняться его приказам.

Резко срываю с себя мешковатое черное худи, и кручусь перед большим зеркалом в ванной, представляя на месте своего отражения главу отдела по «Национальной безопасности», который таки официально допустил меня до расследования дела под кодовым названием «ядовитый любовник». Показываю воображаемому Смигу средний палец. Даже если бы Стефан был рядом, от подобного жеста меня удержали бы только связанные руки или склеенные клеем пальцы.

– Неужели не нашлось другого кандидата, – раздраженно ворчу я, разговаривая сама с собой. Любая бы на моем месте вспыхнула. Общаться со своим бывшим мужчиной, то есть с Зейном, по работе и делать вид, что ваши отношения когда-то не закончились ядерным взрывом – то еще удовольствие. Он первый парень, с которым у меня сложилось нечто серьезное, длиною в год, и разошлись мы, мягко говоря, не красиво.

Если коротко, саундтреком к нашим отношениям и расставанию стал бы тяжелый реквием, обрывающийся на кульминационных нотах – все потому, что я не стала слушать его оправдания, обещания «исправиться и измениться ради меня» и извинения, подкрепленные шикарными букетами, подарками и прочей шелухой. Я бы с удовольствием расцарапала его смазливую физиономию подаренными безделушками, но, увы – было жаль тратить свое время и нервы на этого бабника. Как только узнала о многократном предательстве Зейна, я молча забрала свои вещи из убогой квартирки, которую он снимал для нас, и ушла, бурно отметив наше расставание в клубе, собрала девчонок и устроила дикие танцы на барной стойке и обмывание новой свободной жизни текилой. Жизнь одна, и ни один член не стоит того, чтобы по нему убиваться дольше, чем положенные двенадцать минут истинной боли, отмеренные нам учеными. «Душевная боль длится 12 минут, остальное – самовнушение» – эта прекрасная

цитата, которую я подчерпнула из твиттера еще в подростковом возрасте, всегда избавляла меня от игры в «королеву драмы».

С Зейном все давно в прошлом, но учитывая обстоятельства и причину, по которой мы распрощались, контактировать с Хассаном у меня нет никакого желания. А придется.

Не сомневаюсь в том, что Зейн мог намеренно предложить свою кандидатуру на это задание. Бедный мальчик, неужели не может меня забыть? Наверное, стоило думать об этом раньше: до того, как начал пихать свой ненасытный орган в первых попавшихся шлюх. Его жалкие попытки вернуть меня вызывают лишь раздражение и усмешку. Других причин того, что нас с Зейном заставляют «воссоединиться» по работе у меня нет, так как он уже пару лет как находится в Вашингтоне, и отвечает за безопасность приближенных к одному конгрессмену. А тут вдруг вновь Нью-Йорк, и такое «мелкое» по сравнению с его высоким в отделе уровнем, дело.

Но, конечно, я не стану высказывать свои подозрения Зейну в лицо. Много чести. Нас будут объединять чисто деловые отношения, хотя я знаю, что непосредственная близость со мной, станет для его «малыша» той еще пыткой. И во мне говорит не моя самоуверенность, и не обида на Зейна.

Просто я обманулась, посчитав его достойным мужчиной, способным укротить мой нрав, и конечно куда более чистоплотным, разборчивым и не брезгливым – серьезно, в первой же командировке в Тайланд, он пачками «пачкал» легкодоступных таек, и я не уверена, что все из них были... настоящими женщинами, если вы понимаете, о чем я.

Но черт с ним, с Хассаном. Я скорее взвою от отсутствия действительно неплохого секса, (его «малыш» довольно хорош, когда голоден), чем позволю ему еще хотя бы раз смотреть в мою сторону раздевающим, «ты моя» взглядом.

Достаточно о Зейне, его персоне сейчас должна волновать меньше всего. Меня допустили в расследовании первого по-настоящему серьезного и громкого дела, и это все, на чем необходимо сосредоточиться. Всю оперативную работу до вмешательства Управления проделало ФБР, и как только расследованию был присвоен особый статус опасности, бюро поделилось собранными данными и результатами проведенных допросов и медэкспертиз. Немного-немало, а дело

уже насчитывает пару томов. Обнадёживающих сведений минимум, прямых улик – ноль, а косвенные указывают сразу на нескольких подозреваемых. Кто руководит расследованием мне, согласно протоколу, знать не положено, а предоставленный доступ позволяет ознакомиться только с теми данными, которые необходимы для выполнения задания. Разумеется, я не рассчитывала на большее, хотя дозированная информация серьезно ограничивает мои действия.

Итак, первый шаг на пути к цели – разгадке убийцы Алии станет посещение выставки новоиспеченных художников Нью-Йорка, открытие которой состоится сегодня в галерее с банальным названием «Inspiration», где я должна проверить сразу несколько подозреваемых, вступить с ними в личный контакт, установить прослушивающие устройства, отсеять кандидатов с железобетонным алиби. Ничего нового, тем же самым я занималась и раньше. Отличие – в уровне опасности. Управление заинтересовалось «Ядовитым убийцей» по причине религиозной подоплеки мотивов преступления, и у меня большие шансы столкнуться сегодня лицом к лицу с одержимым фанатиком, мечтающим очистить мир от падших женщин. Я уже изучила досье на каждого, и примерно знаю, с кем мне придется иметь дело. Один из них может оказаться серийным убийцей, и, возможно, сегодня он выберет себе новую жертву. Перспектива так себе, учитывая, что я тоже подхожу под типаж убитых девушек.

Кидаю толстовку и просторные спортивные штаны в стирку, залезаю в душ, с воодушевлением увлажняю кожу гелем с легким маслом кокоса и какао. Перед выходом на «минное поле» приходится частенько настраивать себя на ту вибрацию, которая мне необходима для того, чтобы заставить подозреваемых вести себя рядом со мной максимально честно, открыто и расслабленно. Мне нужны истинные лица, а не приклеенные маски. Мне необходимо докопаться до сути, до самого нутра находящейся перед моим взором личности. Мужчины, как правило, ведут себя более открыто, когда мое тело источает флюиды женственности и сексуальности. Многие из них перевозбуждаются, подобно подросткам, предающимся эротическим мечтам о молодой учительнице, что ведет урок в облегающей юбке и очках с утонченной оправой. В таком состоянии им сложно контролировать свои слова и действия, анализировать происходящее разумом, замечать мелкие детали, которые способны выдать во мне ищейку. Мужчины – слабые существа, в момент, когда думают мозгом ниже пояса, и грех этим не пользоваться.

Следующие пятнадцать минут уходят на то, что я собираю высокий хвост на макушке головы и укладываю густую копну волос в упругие волны, успевая

обжечь маленький участок кожи раскаленным утюжком. Черт, выглядит ожог так, словно я всю ночь трахалась с Богом секса, но, к сожалению, не могу похвастаться подобным заявлением и бросаю тщетные попытки замазать воспаление тоналкой. Накладываю естественный макияж, выделяя глаза ровными стрелками и завершаю образ незатейливым украшением на голове – серебристая тика представляет собой вытянутую подвеску, которую я закрепляю посередине пробора. Маленькая капля с камушком внутри, устроившаяся в так называемой зоне третьего глаза уж точно выдаст заинтересованные взгляды любителей востока, которые будут находиться в галерее.

Плавно покачивая бедрами под треки Рианы, и мурлыкая себе под нос слова песни «Sex with me so amazing», находясь при этом абсолютно голой, испытываю небольшой укол совести: похороны Алии прошли три дня назад, а я тут растанцевалась в ванной. Еще недавно мы вместе отплясывали на барной стойке, делились друг с другом новостями, переживаниями и небольшими секретами, но, даже прощаясь с ней, я не позволила себе расплакаться и дать слабинку. Пришла домой, провела в молчании весь вечер, запивая агонизирующую боль в груди бутылкой вина, которую она подарила мне, как сувенир из Испании. Я не спала всю ночь, время от времени возвращаясь к телефону и просмотру наших совместных фото с подругой. На них она такая жизнерадостная, яркая, живая... К сожалению, сейчас, я могу почтить память о любимой подруге лишь одним способом – найти ее убийцу и предотвратить будущие «жертвоприношения». Внутреннее чутье подсказывает мне, что маньяк не остановится и будет и дальше играть в ядовитого вершителя судеб, оставляя послания в виде арабской вязи на телах своих жертв.

Выдвигаю верхний ящик в ванной, переполненный кружевным нижним бельем, и тут же закрываю его. Обойдусь закрытым темно-синим платьем с вырезом «лодочка», открывающим ключицы. Простое, облегающее, лаконичное – молния по всей длине сзади делает его моим лучшим вариантом на сегодняшний вечер. Благодаря обтягивающему меня до колен камуфляжу на абсолютно голое тело создается иллюзия, что его очень легко снять, и забраться мне под кожу. Ключевое слово – иллюзия.

Никого. Никогда. Не подпущу. К себе. По-настоящему.

Опыт, полученный во время выполнения предыдущих миссий, подсказывает, что данный выбор наряда способствует успешному выполнению задания. Рядом с

девушкой в таком образе практически любой мужчина руководствуется инстинктами, да я и сама люблю понаблюдать, как постепенно расширяются их зрачки, когда, осмотрев меня оценивающим взглядом, они начинают ощущать едва уловимые феромоны и запах моей кожи, которые на многих действуют как ударная доза амфетамина. И именно в таком состоянии на них куда легче прицепить «жучок», играя в соблазнительную кошечку. Всего лишь играя. На самом деле мне ни разу не приходилось спать с кем-либо на задании. Хотя многим девушкам, которые не могут подобраться к мужчинам без этого, приходится. Но я агент, а не шлюха, и моя задача постараться обойтись без крайних мер.

Последний штрих в моем образе – шипованные лодочки от Valentino. Провожу раскрытыми ладонями по обтянутым облегающим платьем изгибам своего тела, поворачиваюсь спиной, и остаюсь довольна видом своей задницы, что за последние полгода работы в спортзале округлилась до совершенства. Да уж в таком виде я и сама рискую стать жертвой серийного убийцы. Хотя, учитывая то, что и Алия и Марьям, являлись моделями агентства «Элит» в котором состою и я, то я вполне возможно уже на прицеле у больного ублюдка. К тому же, не стоит упускать из вида еще один важный факт: в последнее время Алия все уши прожужжала мне о своем потрясающем и загадочном любовнике: он затуманил ее разум, и, как она выразилась: «раскрыл в ней все грани чувственности». Исходя из этих слов, перед моим внутренним взором уже прорисовывается некий психологический портрет убийцы: сексуальный, грешный манипулятор, вступающий в сексуальные отношения с жертвой, прежде чем отправить ее в мир иной, осыпав мусором и брильянтами. Я бы назвала такого «мутный тип» с загадкой во взгляде. Подруги Марьям подтвердили, что и она делилась с ними откровениями о горячем мужчине, но отказывалась называть имя кровожадного любовника.

Ровно через полчаса я выхожу из такси в одном из самых сильных районов по энергетике и количеству людей в Нью-Йорке. Каждый раз, когда я нахожусь недалеко от самого высокого небоскреба в Манхэттене и мемориала в память о погибших одиннадцатого сентября в башнях-близнецах людях, мое сердце заходится от немой печали. Через дорогу от зеркальных бассейнов, на поверхности которых выгравированы фамилии каждого унесенного пеплом и пылью «близнецов», и находится галерея «Инсперейшен», регулярно представляющая Нью-Йоркскому бомонду новых и трендовых художников.

Медленно выдыхаю, еще сильнее расправляю плечи и, приподнимая подбородок, медленной и плавной походкой прохожу за автоматические стеклянные двери галереи, расслаблено опуская кончики пальцев на ребро небольшой сумочки. Внутри галерея полностью соответствует своему названию: в этом переполненном искусством и правильно поставленном светом помещении, каждый атом пропитан пресловутым вдохновением. Причудливые тени на белоснежных стенах, перекликаются с разнообразием картин и портретов, у некоторых из них собрались целые толпы «сливок общества»: кто в медитативной позе «ценителя искусства», кто с фальшиво заинтересованным взглядом, и скрещенными на груди руками, выдающими их отрешенность и отсутствие искреннего интереса к живописи. Строгий дресс-код вынудил собравшихся дамочек достать свои лучшие коктейльные платья и сверкающие камни, а мужчин вальяжно пройтись по галерее в костюмах, на которых и без значка люксового бренда написано «у меня много денег, детка». И это мне на руку, ведь «Ядовитый любовник» по логике обязан обладать нехилыми средствами, которые позволят ему покупать брильянты в «Лакшери Корп». Либо наоборот, убудок будет прикидываться нищим, и всем своим видом кричать о том, что «творческий человек всегда должен оставаться немножко голодным». А раз все психологи отдела заявили, что убийца непременно должен обладать тонким художественным вкусом, то мне придется поверить им на слово. И еще он, как минимум, должен хорошо владеть арабским языком, для того чтобы оставлять свои послания.

Все, начиная от приятной живой музыки, заканчивая успокаивающим звуком воды, исходящим от искусственного водопада, украшающего холл галереи, погружает меня в расслабляющую реальность, куда каждый пришел с одной целью – увидеть мир через призму людей, которые смотрят глубже и дальше. Никогда я особо не интересовалась живописью: однажды, пятиминутная прогулка по Лувру вогнала меня в депрессию. Но что поделать, сегодня мне предстоит вновь довести себя до подобного состояния, делая вид, что мне очень интересно находиться среди любопытных репортеров, журналистов, фотографов и пафосных гостей... либо агентов, жаждущих докопаться до правды. У меня на сумочке установлена крошечная камера, так что фактически, за моими приключениями будет наблюдать весь отдел.

В любом правиле бывают исключения..., и я хорошо помню, какой вид искусства всегда заставлял мое сердце учащено биться, и затаив дыхание, наблюдать за движением кисти, и того, какой след она оставляет на белом камне михраба. Из виду я не упускала ни одной детали, ни одной мелочи: движения рук моего спасителя завораживали, пленили, дурманили детский и неискушенный разум.

Подобно иллюзионисту, он творил чудеса, создавая магию, возрождая в мечети свое особое видение священных заветов. Я любила тайком наблюдать за ним, и паранджа помогала мне держать в строгом секрете свой постыдный интерес к юноше и его творениям.

Вход в галерею только по приглашениям, и как только я начинаю выискивать взглядом своих кандидатов из списка, быстро находится тот, кто невольно нарушает все мои планы.

– Добро пожаловать в царство Вдохновения, Эрика, – не оборачиваюсь слишком быстро. Ленивым движением сытой пантеры, обращаю взгляд на того, что смеет смещать фокус моего внимания. Беглым, но сканирующим взглядом окидываю мужчину, чьи повадки, движения рук и даже подведенные черным каялом глаза, напоминают мне о Джеке-Воробье из «Пиратов». Пьяном Джеке. Или даже о Джеке под кайфом – харизматичный мужчина действительно выглядит так, словно только что закинулся порцией допинга и от нечего делать появился в мир «Вдохновения». Про себя отмечаю его нервный, хаотично блуждающий по моему телу взгляд, и высветленные краской волосы, которые никак не сочетаются с мелкой россыпью веснушек, покрывающих длинную шею и квадратной формы лицо. Бакенбарды и густая борода делают его образ еще более нелепым и противоречивым, хотя должна признаться, что-то в нем есть: шарм, актерская харизма, уверенность в себе. Он из той самой стаи мужчин, в которых можно влюбиться, а потом долго недоумевать, как тебя угораздило вляпаться в такого... эм, красавчика. Закончив с изучением данного экспоната, я никак не реагирую на его горячее приветствие: возможно, очередной мой фанат или подписчик, раз хорошо знает, как я выгляжу, и называет по имени. Мне плевать. Я здесь не для того, чтобы заводить новые знакомства.

– Ах да. Все так, как мне о тебе рассказывали. Крошка с гонором. Снежная королева, – издав глухой смешок, мужчина продолжает разговаривать сам с собой, пока я даже бровью неведу в его сторону. На самом деле у него нет со мной никаких шансов: уж больно раздражает и мешает мне найти в толпе первого в списке подозреваемых – Джареда Саадата. По предоставленным данным: бывший владелец компании по производству тех самых брильянтов, что были найдены на теле погибших. Также, известно, что Саадат, хоть и несколько лет назад, но разрабатывал коллекцию масок, дизайн которых очень напоминает тот, что представлен на жертвах. Жуткие маски: красивые, но устрашающие. Не представляю, возможно ли в такой дышать, думать, существовать... даже меня в дрожь бросает, что уж говорить о наивных девочках, попадающих в лапы

«ядовитого любовника». Так же известно, что Саадат вел весьма разгульный образ жизни в студенческие годы. Представителям его отца, влиятельного шейха, возглавляющего центральную провинцию Анмара с одноименным названием, с трудом удалось замять скандал с попыткой изнасилования, после чего парень спешно покинул Нью-Йорк, но через пару лет вернулся и возглавил нью-йоркский филиал крупнейшей в Анмаре алмазной корпорации «Лакшери Корп». Ну и последняя, и весьма веская причина подозревать Саадата: этот кадр выкрал из страны собственную девушку (ту самую, в попытке изнасилования которой обвинялся), увез на Ближний Восток, и через некоторое время вернул. Исходя из материалов дела, Джаред и Мелания Йонсен сейчас помолвлены. Саадат потерял свой пост в компании, разорвал связи с отцом, вроде как взялся за ум. Или же, напротив, ушел в тень, перейдя на более тяжелый уровень преступлений. И, разумеется, он в совершенстве владеет арабским.

Кстати, о Мелании: с девушкой мы знакомы заочно – списывались пару раз в директе. Мел сейчас разрабатывает свою линию платьев и предлагает мне сотрудничество, а точнее сняться в нескольких ее моделях на бартерной основе. Мне не жалко, да и контакт с девушкой подозреваемого мне на руку. Интересно, этот светловолосый ангел в курсе, что собирается выйти замуж за возможного маньяка-убийцу? Все, что я прочитала о Джаред, не внушает доверия. Странная они парочка – своенравный агрессор и ангел во плоти, который никогда не заподозрит своего жениха в связи с многочисленными моделями. Но как знать? Как показывает мой жизненный опыт, изменяют даже таким красавицам.

– Может вы позволите мне наконец пройти вперед и вдоволь насладиться выставкой? – сдержанно интересуюсь я, когда несколько попыток обойти постоянно преграждающего мне путь «Джека» заканчиваются неудачей.

– Ты и правда снежная королева, – вновь замечает мужчина, расплываясь в елейной улыбке. Блаженной и безумной, я бы сказала. – А я думал, это лишь слухи, Эрика Доусон, – вновь подчеркивает то, что много знает обо мне и это уже начинает напрягать. Не маньяк ли часом.

– Если я снежная королева, то мне все равно, что за моей спиной говорят мои феи-поданные. Избавите меня от подробностей? – с сарказмом, но довольно резко отшиваю надоеду я. Мягко выдохнув, раздвигаю губы в едва заметной улыбке и быстрым движением ловлю бокал шампанского с подноса, проносящегося мимо официанта.

– А, если я скажу, что перед тобой несказанно богатый владелец галереи, а также обладатель пола, на котором ты стоишь... спорим, мне удастся растопить твое сердце, снежная королева? – опешив от слов «владелец галереи» я еще раз внимательнее присматриваюсь и к цвету волос, и к его бакенбардам в сочетании с чудаковатой бородкой. Не может быть! Черт, мой прокол. Только сейчас припоминаю, что в досье на этого подозреваемого было четко прописано «часто меняет имидж и внешность, фото может быть не актуально».

– Маркус Флеминг, – кратко представляется Марк, когда я понимаю, что он также является одним важным именем в моем списке. Итак, что тут у нас: увлечен восточной культурой, и факт того, что он постоянно посматривает на мое необычное украшение, подтверждает это. Сам является эксцентричной личностью, меняющей стиль чаще, чем Леди Гага. У нас есть все основания подозревать Флеминга, так как в узких кругах он не скрывает бурных вечеринок, проходящих в его загородном доме. Каждую субботу Флеминг устраивает в резиденции этакую зарисовку из «тысяча и одна ночь»: его дом переполнен моделями и шлюхами в восточных одеждах, танцами живота, и играми в духе «я твой султан, моя шлюшка». Мерзость? Определенно. Спрашивается, что за пунктик у аристократичного англичанина, иммигрировавшего в США на подобной тематике? У местных садистов до сих пор в тренде игры в духе оттенков, а этот ударился в шейха и наложниц. Конечно, эти факты не делают его стопроцентным маньяком, однако я все равно разглядываю его более детально, пытаюсь понять, мог ли он привлечь Алию и заманить ее в свои сети.

Маркус уверенным жестом протягивает вперед руку, оглядывая меня пристальным, раздевающим взглядом. Алия, конечно, могла попасться на его обаяние или деньги, особенно если учесть, что она всегда питала слабость к мужчинам «с причудами», но на меня чары и флюиды Марка не действуют. Да, это тот самый момент, когда нули на счете остаются лишь суммой денег, а не показателем уровня альфы и высокорангового самца. Есть в нем что-то отталкивающее, и никак сексуально меня не привлекающее, несмотря на то, что многие присутствующие девушки бросают на него зазывные взгляды. Что сказать? Это мое субъективное мнение, но я никогда не хотела Джека-Воробья. Я всегда мечтала о красавчике и самоотверженном спасителе Уилле Тернере, что ради своей любимой вырезал сердце из груди, но при этом остался мужчиной с такой внутренней силой, что при одном взгляде на него пересыхает во рту и дрожат колени.

– Какая недотрога. Даже руку не подашь? – напряженно спрашивает он, пока я торможу и никак не реагирую на его жест, размышляя о способах подтвердить или отклонить алиби Флеминга.

– Ну что вы, Маркус, – судя по загоревшемуся взгляду, Флеминг обескуражен переменной в моем настроении и голосе. Сладко улыбнувшись владельцу галереи, непосредственным жестом нарушаю его зону комфорта, и прежде чем сжать его ладонь, веду кистью руки по рукаву пиджака – мое движение легкое, едва заметное, его не назвать откровенным или интимным, скорее интригующим. И его достаточно для того, чтобы установить прослушивающий микроchip, способный выдать все грязные секреты Флеминга. – Я очень рада знакомству с вами. Здесь действительно царит вдохновляющая атмосфера, вы так постарались, – ненавязчивый комплимент, чтобы расположить к себе и отвлечь внимание от моих манипуляций с установлением «жучка».

– А вы лиса, Эрика. Как только узнали о моем статусе, решили поменять свое мнение и снизить до миллионера не в вашем вкусе? – допытывается Флеминг, продолжая оглядывать меня таким взглядом, словно уже видит меня одной из своих танцующих в шелках наложниц.

– Деньги – последнее, что меня интересует, – спокойно отрезаю я, слегка закусив нижнюю губу. – Скорее, теперь вы привлекаете меня потому, что человек, создающий подобные пространства, восхищает меня куда больше, чем пират под кайфом, – парирую я, наблюдая за тем, как улыбка становится по-настоящему живой – морщинки, исходящие от внешних уголков его, становятся глубже, а улыбка, обнажающая ослепительно белые виниры шире.

– А у вас острый язычок, мисс Доусон, – меня тошнит от его замечания, но я продолжаю сдержанно и снисходительно улыбаться, мечтая закатать ему его «язычок» в горло. – Как насчет того, что в один из уикендов я найду ему куда более интересное занятие, чем соревнование в остроумии?

Вот же сукин сын. Если бы не задание, я бы уж точно не оставила такое предложение безнаказанным. К сожалению, я даже словом не успеваю поставить Флеминга на место, потому что наше тет-а-тет с Маркусом прерывает знакомый мне с детства голос:

– Рика, какой сюрприз! – а этого подозреваемого я знаю отлично, более того, я многим ему обязана. Ильдар Видад является тем самым другом моего отца и по совместительству владельцем модельного агентства, в котором я официально работаю. Разумеется, о нашей с отцом деятельности ему ничего не известно, несмотря на то, что знакомы мы уже четырнадцать лет. Как бы мне не хотелось его подозревать и проверять, но я буду вынуждена это делать, ибо Видад имел прямой контакт с подозреваемыми моделями, и он до сих пор спонсирует центр по реабилитации беженков из Ближнего Востока. Думаю, сейчас не лучший момент вспоминать, что Видада я отношу к тем особым мужчинам, о которых я говорила – его я уважаю, и смотрю на него снизу-вверх, ощущая в нем дух защитника и сильного человека, что, возможно, объясняется тем, что он на шестнадцать лет старше меня.

– Почему ты здесь? Помнится, во время поездки в Париж, ты возненавидела Лувр и галереи современного искусства, – припоминает Ильдар, не упоминая вслух о том, что эту самую поездку подарил мне он. Мы ездили вместе на пару дней, он всего лишь осуществил мою мечту и в тот момент не настаивал на большем. Это было подарком на восемнадцатилетие от друга семьи, но уже через время я поняла, что Ильдар хочет быть большим, чем просто другом. Смотрю в его глаза, пытаюсь посмотреть на него взглядом Алии или Марьям, но не могу: несмотря на то, что Ильдару уже почти сорок, я все равно его вижу в образе двадцатипятилетнего мужчины, который дарил мне подарки и оказывал знаки внимания с первого дня моего пребывания в реабилитационном центре. Только сначала это были плюшевые зайчики, куклы, телефоны, а потом Париж... и, кстати говоря, несколько платиновых браслетов марки «Лакшери Корп». Мое сердце болезненно сжимается, когда с сожалением понимаю, что сейчас все «улики» играют против Ильдара. Видад дал ложные показания, когда заявил, что в момент убийства находился дома и предоставил полиции записи с камер наблюдения в качестве доказательств, которые оказались подделкой. А значит, моему дорогому покровителю есть, что скрывать...

– Ты же знаешь, я довольно быстро меняю свои вкусы и предпочтения. Мне все быстро надоедает. Я получила приглашение и пришла: все довольно просто. Не припомню, чтобы ты тоже являлся любителем искусства, – провоцирую Видада, направляя наш разговор в необходимое мне русло.

– Мои модели часто позируют для галереи Маркуса, – он по-приятельски ударяет Флеминга по плечу. – Пришел полюбоваться на свои цветы так сказать, через призму взгляда художника.

Сравнение девушек с цветами оказывается очень кстати, потому что как раз после этих слов мы останавливаемся возле большой картины обнаженной девушки. Трудно описать, что я чувствую, глядя на нее: героиня сидит на кровати, скрестив ноги в позе «лотоса», но это далеко не единственный бутон в этой композиции. Положив кисти рук на колени, нагая модель закрывает сердцевину своих бедер крупным распустившимся пионом. Оригинально. Обычно половые губы ассоциируют с розой. Видимо, эротическому художнику больше по душе пионы, а также он из тех мужчин, что очевидно, в первую очередь придают значение глазам девушки. То, что модель изображена без лица, вызывает во мне странную, неузнаваемую эмоцию, будоражащую душу и разум. Спешу подавить ее, как и остальные чувства, которые будит во мне эта картина.

Как ни странно, но мне совсем не скучно... я, наоборот, не могу отвести от нее взгляд, но намеренно делаю это, стараясь прогнать тревожное чувство психологического давления, и одновременно возникшей в глубинах сердца уязвимости, к которым взывает данная картина.

– Это Марьям... – озвучивает вслух еще одну мою догадку Ильдар, но я не верю фальшиво-сочувствующим ноткам в его голосе.

– Я не знала ее лично, но мне очень жаль, что она не увидит себя такой... – невольно я ловлю себя на мысли, что, несмотря на отсутствие четких очертаний лица, девушка на холсте выглядит живой, наполненной. Слово кто-то вдохнул в нее жизнь, пару раз взмахнув кистью.

– Да, красивая. Цветок хорошо вписывается. В нем что-то есть, да, Ильдар? И глаза раскосые, миндалевидные, – и этот факт довольно не уместен и противоречит истине, учитывая то, что у Марьям были более округлые глаза. – Жуткая смерть, – заключает Маркус, и я пытаюсь проанализировать тон его голоса, когда он говорит о погибшей. Ничего особенного, но он может быть подкован в этом вопросе.

– Я говорил с ее родителями, когда выписывал им чек на материальную помощь, – прерывает печальную тишину, повисшую в воздухе Ильдар.

– Судя по личностям убитых девушек, «ядовитый любовник» питает страсть к моделям «Элит», – намеренно вибрирующим от страха голосом, тихо произношу я, пробуждая в не сводящих с меня глаз мужчинах инстинкты защитников. А

инстинкты – это природа, а ее, как и ампула маньяка скрыть невозможно. Лишь до поры до времени.

– Рика, тебе не стоит переживать об этом. Свою девочку я никому не дам в обиду, – обнадеживающе заявляет Видад, одарив меня одной из своих пленительных улыбок с ямочками на щеках. Но я давно выросла, и меня мало интересуют слова и пустые обещания.

– А кто она – твоя девочка? Не знала, что у тебя есть девочка, – небрежно поведя плечом, обхожу их обоих, и напоследок бросаю: – Мне нужно идти, – и уверенной походкой от бедра направляюсь к появившейся на моем горизонте Мелании Йонсен, принимая решение понаблюдать за Видадом и Флемингом издалека, и заодно проверить Саадата.

– Мелания, – обращаюсь к девушке я. Несмотря на ее миниатюрность и крохотный рост, девушку трудно не заметить. Платиновые волосы, аквамариновые глаза, из глубин которых льется внутренний свет. Окинув меня недоверчивым взглядом, девушка наконец узнает меня:

– Эрика, да? Прости, сразу не узнала. В жизни ты такая...

– Такая одетая? – заканчиваю за нее я, прекрасно понимая, что она имеет в виду.

– Ну, я знаю, что фото в стиле «ню» – неотъемлемая часть портфолио любой модели из агентства «Элит», – о, да, только вот я занимаюсь этим исключительно ради надежного прикрытия. – Но это то, что мне нужно. Мои платья должны взорвать модную индустрию! А ты очень яркая, – с горящими глазами и огромным энтузиазмом заявляет светловолосая «кнопочка».

– Мне очень нравятся твои эскизы, уверена, это будет бомба. Ты где-то отдыхала? – непринужденно интересуюсь я, детально разглядев образ Мелании: ее шоколадный загар, отдающий красотой, не является настоящим оттенком фарфоровой кожи. Да и на фотографиях в социальной сети она бледная, почти прозрачная, словно у ангела.

– Да, мы с Джаредом вернулись с Багамских островов буквально позавчера. Это мой жених. Дома нас ждала полиция... а ведь я лично знала девочек. Мои картины давно периодически выставляются в галерее, и поэтому... – на

мгновение я теряю суть разговора, мысленно отсекая Саадата из числа подозреваемых. Если факт того, что в момент убийства Алии они были за несколько тысяч километров отсюда, удастся подтвердить, то к нему не останется никаких вопросов. Слушая Меланию, двигаясь с ней вдоль пролетающих мимо моего внимания картин, я непроизвольно останавливаюсь рядом с той, что заставляет мои ноги оцепенеть, а влажные ладони нервно сжаться в кулаки.

– Кто нарисовал эту картину? – просто вырывается из моих губ, как только я поднимаю взгляд на безликий портрет, на котором нет фактически ничего кроме глубоких голубых глаз миндалевидной формы.

И вновь я не могу разобраться в противоречивых чувствах, которые вызывает во мне эта картина, эти глаза... этот творец? Я не знаю. Если бы я не старалась запихнуть все свои эмоции поглубже, а с наслаждением проживала бы их, я бы назвала это сладкое, горькое, вязкое чувство «предвкушением».

Предвкушение... но предвкушение чего?

Сама не замечаю, как холодит зону затылка. Так обычно бывает, когда кто-то смотрит на тебя неотрывно и пристально. Я даже покрываюсь легкой испариной, ощущая себя мишенью на прицеле у сталкера.

И он тоже всегда ощущает это. Убийца. Предвкушение. Разве нет?

Сердце пропускает удар, гулко бьется о ребра, и вновь замирает...

– Джейдан Престон. Он и меня рисовал, только, конечно, не в столь откровенном виде. Очень нестандартный художник, я в восторге от его работ! – пылко заявляет Мелания, но ее мужчина, больше напоминающий мне обезумевшего тигра перед смертоносным прыжком, явно не одобряет ее воодушевления и восхищения другим.

– Вот ты где, telegim, – больше не оборачиваюсь, лишь слышу низкий голос Саадата, к которому я уже потеряла всякий интерес, убрав с него галочку «маньяк». – Нам надо поговорить, Мэл, – добавляет он властно.

Я только и успеваю, что сочувствующе взглянуть на Меланию. Прежде, чем недовольно вздохнуть и повиноваться своему жениху-агрессору, девушка успевает шепнуть и указать мне в сторону входа в галерею:

– А вот и он.

Виновато улыбаясь Джареду, Мэл вздрагивает от его грубоватого тона.

– Может, объяснишь мне, какого черта ты позировала этому... – остаток фразы я не успеваю разобрать. Взяв свою невесту за локоть, Саадат утаскивает ее за ближайший поворот, ведущий к картинам в другом ряду. Но что-то мне подсказывает, что их бурная ссора из-за какой-нибудь ерунды, которую навывдумывал себе этот собственник, закончится бурным сексом в подсобном помещении галереи. Завидую даже, но не сексу. Я хоть и выстраиваю вокруг себя прочную стену, и пытаюсь ничего не чувствовать, но влюбленных друг в друга людей узнаю в толпе сразу. И всегда опускаю взгляд.

Я никогда не встречу своего человека, свою судьбу. Не суждено. И больше не нужно.

Как только я прокручиваю эту мысль, слегка оборачиваюсь в сторону автоматических стеклянных дверей, служащими вратами в царство «Вдохновения».

Ненавязчиво вальяжной, уверенной походкой он приближается ко мне, и я порывисто отступаю назад. Мощная, горячая, но незримая энергетическая волна бьет по взбунтовавшимся рецепторам, омывая поверхность моей кожи. Покалывает всю, до кончиков пальцев ног и рук, и я не понимаю, с чем, черт возьми, связаны такие эмоциональные качели. Незнакомые, яркие, поразительные, бьющие по сердцу. Ощущения сродни первому в жизни осознанному оргазму. Его я получила наедине с собой, и совершенно не стесняюсь этого факта. Куда стыдливее для меня то, что я сравниваю с оргазмом походку приближения неизвестного мне мужчины, которого я не знаю и не хотела бы знать, если бы в мою душу не закрались подозрения о том, что автор картины, на которой изображена Марьям с пионом между ног – также, он.

Дыхание схватывает, сердце обливается кровью, горячие вибрации обжигают грудную клетку изнутри, пока расстояние между нами, стремительно

сокращается.

Он близко. Настолько, что я могу увидеть его глаза. Все длится считанные мгновения, но секунды достаточно, чтобы захлебнуться в океане его глаз цвета индиго.

Кремового цвета чиносы, простая черная рубашка, расстегнутая на пару верхних пуговиц. Заостряю внимание на смуглого цвета коже, очерченных крепкими мышцами ключицах, на треугольнике под линией шеи. Дольше, чем нужно.

Считаю до пяти, не отвожу свой взгляд, и не смею моргать, пытаюсь победить в неравной схватке с незнакомым «зверем». Он побеждает. На четвертой секунде мои ресницы начинают дрожать, и я опускаю взгляд, нервно проводя кончиком языка по нижней губе. Губы, увлажненные помадой, пересохли. Вновь бросаю на него волевой взгляд, приподнимая подбородок и стараюсь абстрагироваться от его мощной, прошибающей до испарины и мурашек энергии, цепкого взгляда, который бывает лишь у трех видов мужчин.

Либо у сталкеров.

Либо у психопатов.

Либо у маньяков.

Черт, почему его нет в списке подозреваемых?

Хотя у художников, очевидно, тоже может быть такой взгляд. Он просто незаконен, нереален, и я уже его ненавижу за крошечный срыв внутренней силы и самоконтроля.

Пока он неторопливо приближается ко мне, я разглядываю его творение, делая вид, что не замечаю мистера Престона. Я почти уверена, что это он, хотя на художника этот парень похож меньше всего. И не замечать его довольно трудно, как только он подходит ближе, я улавливаю пряные и тяжелые, терпкие ноты его парфюма. Краски. Горячей кожи. И прикоснуться не нужно, чтобы это прочувствовать. Даже дыхание задерживаю, чтобы не выдать своего чисто инстинктивного интереса. Всегда у меня так. Не бывает страсти с первого

взгляда. Бывает с первого «вдоха» – возможно...

– Что думаешь? – художник нарушает долгое молчание, повисшее между нами. Наконец, я позволяю себе обернуться в его сторону. Немного успокоившись после первого впечатления о незнакомце, я медленно изучаю черты Престона испытывающим взглядом. Четкий овал лица, твердый подбородок и широкие брови, выдают в нем волевою личность, лидерские качества. Это не выдумка, а факты, которые мы не раз изучали на уроках по чтению лиц и характеров. Его красота холодная и жесткая, при этом сдержанная и мощная. Безмятежный океан, в любой момент способный разразиться штормом и накрыть девятым валом. Может это не так, я мыслю субъективно, и... черт возьми, о чем я, мать его, вообще думаю?

Он только что возглавил хит-парад возможных кандидатов в серийные убийцы, а я размышляю о глубине его глаз, четкости скул, и темном цвете волос и смуглой кожи, «неправильно» контрастирующей с синими глазами.

Радует только то, что Престон также тратит приличное количество отмеренных нам на немое знакомство секунд, рассматривая каждый сантиметр моего тела, обволакивая его уже знакомым жаром. Невольно ощущаю, как его взгляд замирает на моей груди, шее, и медленно поднимается к глазам. Смотрит так, словно читает душу, зрит в мою суть, за бронебойную стену... но это лишь иллюзия, потому что в этот момент я закрываюсь еще сильнее.

От него.

В ответ его взгляд становится по львиному снисходительным. Этаким хищник, поставивший одну из потенциальных сучек на место. Надеюсь, в моем взгляде он читает попытку сделать почти то же самое.

– Художник, несомненно, т-талантлив, – сдержанно отвечаю я, пытаюсь скрыть дрожь в своем голосе. Однако терплю феерическое поражение, заикнувшись на одном слове. Кажется, я не упомянула о том, что после трагедии и молчания длиной в двенадцать месяцев я стала заикаться. Лишь годы тренировок и долгой работы над собой свели этот дефект речи к минимуму – теперь он проявляется только в периоды очень сильного волнения.

– Как и все, представленные здесь, – не собираясь раздавать ему комплименты, холодно отрезаю я, вновь глядя на картину, с которой на меня смотрят огромные и распахнутые глаза, напоминаящие развернувшиеся небеса.

Джейдан

Направляясь на выставку, я не ждал от вечера ничего особенного. Пафосно, предсказуемо, скучно, местами занудно. Мое эго не нуждается в подтверждении того, что я и так знаю. Я не гений современности в мире художественного искусства, но обладаю неплохой тактикой, особым вкусом, взглядом и воображением. Для меня нет особой разницы, для кого писать картины и где. В парке, в сквере, на городском пляже, в собственной студии. Для парочки пенсионеров, студентов, молодоженов или для великосветской публики.

Понятия выгоды и признания для меня вторичны, и отсюда назревает вопрос: зачем я тогда занимаюсь живописью?

В чем причина и цель?

Самовыражение?

Возможно.

Зависимость.

Тоже есть. Или же желание полутонами показать то, что многие скрывают, прячут за фальшивыми белозубыми улыбками? Заставить восхищаться или замирать от отвращения, глядя на собственные пороки, обличённые на моих полотнах. Ничто и никогда так не возмущает человека, как нелицеприятная правда о нем самом, раскрытая сторонним наблюдателем. Они будут кричать, что художник вульгарен, бездарен, что он ничего не мыслит в искусстве, и его работы давно пора сжечь на городской свалке... только потому, что узнали в них самих себя и ужаснулись.

Надев одну из своих нелюбимых масок циничного светского бездельника, я вхожу в ярко освещённый зал, лениво осматриваюсь по сторонам намеренно

скучающим взглядом. Красивые женщины в коктейльных платьях, мужчины в смокингах; блеск драгоценных камней и благородных металлов; приглушенные разговоры о псевдо-высоком, погоде, музыке, театре, о падении нравов и грядущем финансовом кризисе, и разумеется, о будоражащем умы многих «ядовитом любовнике», возглавляющем все заголовки новостных газет. Шикарные гости, журналисты, репортеры, критики, кичащиеся своим непредвзятым мнением, ценители искусства, представители богемы и просто случайно заглянувшие на мероприятие тусовщики, не имеющие ни малейшего представления о живописи, но с удовольствием налегающие на дорогое шампанское и изысканные закуски, разносимые официантами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Кемар – отсоединившийся регион Анмара, после внутренней революции, объявивший о своем суверенитете.

2

Джума?-нама?з (араб. ????? ????????) – пятничная молитва) – обязательная коллективная молитва мусульман. Совершается в пятницу во время полуденной молитвы в мечетях. Совершение джума-намаза предписано в Коране.

3

Михраб (???????) – ниша в стене мечети, часто украшенная двумя колоннами и аркой. Михраб указывает направление на Мекку (киблу) и чаще всего расположен в середине стены. Михраб предназначен для того, чтобы в нём молился имам мечети (руководитель намаза), который во время молитвы должен находиться впереди остальных молящихся.

4

Абайя (араб. ?????; произносится ?aba?ja или ?aba??a) – длинное традиционное арабское женское платье с рукавами; не подпоясывается.

Предназначена для ношения в общественных местах. Обычно чёрного цвета, но встречаются также разноцветные. Часто абайя обильно разукрашена вышивкой, бисером, стразами. В некоторых арабских странах – обязательная одежда для мусульманок и иностранок, надеваемая вместе с хиджабом или никабом.

5

Беспокойное небо.

Купить: https://tellnovel.com/ru/d_lana/maktub-yadovityy-lyubovnik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)